

10 Února 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

74

10-го февраля 1931 г. 10-го лютого 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *И. М. Назаров:* *** Стих. (Verše).
2. *Е. Якименко:* Рапорт. (Hlášení).
3. *П. Покотило:* *** Вірш. (Verše).
4. *А. Персидсков:* *** Стих. (Verše).

---

5. Деды и внуки. II. (Dědečkové a vnuci).
6. *А. Ленивов:* Историческая справка о Калмыцком, Башкирском, Енисейском и Красноярском Казачьих Войсках, возникших в период 1917—1920 г.г. (Historické poznámky o Kalmyckém, Baškirském, Enisejském a Krasnojarském Kozackých Vojskách z roků 1917—1920).
7. *П. И. Кокунько:* Наше прошлое. (Naše minulé).
8. *С. Балыков:* Восточные соседи Казачества. (Vychodní sousedé kozáků).
9. *Ф. Д. Крюков:* Первые выборы. (První volby).
10. *Ш. Балинов:* Случайный разговор. (Nahodilá rozmluva).
11. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
12. Казачий вопрос на собрании партии „Крестьянская Россия". (Kozacká otázka na schůzi strany „Krestjanská Rossija").
13. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
14. В Казакии. (V Kozakii).
15. От Казачьего Колонизационного Комитета. (Od Kozackého kolonizačního komiteta).

Почтовый ящик.

Княжевац. — И. Н. — Получено. Привет.
Скопле. — А. К. — Получено. Привет.
Пловдив. — А. Л. — Получено. Привет.
Франция. — Н. М. — Посылается. Привет.
Сев. Америка. — А. А. — Получено. Привет.
Югославия. — Я. Г. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
Греция. — И. В. — Просьба исполнена. Привет.
Польша. — С. Б. — Получено. Привет.
Братислава. — С. К. — Хорошо. Привет.
Болгария. — С. Г. — Получено. Привет.
Германия. — А. Т. — Все Вам послано. Привет.
Франция. — Е. — Просьба исполнена.
Югославия. — К. Ш. — Получено. Привет.
Эквадор. (Южн. Ам.) — В. К. — Спасибо за информации. Привет.
Франция. — С. — Получено. Привет.
Франция. — П. К. — Просьба исполнена. Привет.
Югославия. — А. Г. — Получено. Привет.
Подкарп. Русь. — В. К. — Будет напечатано в одном из следующих номеров. Привет.
Воло. Греция. — Д. К. — Получено. Привет.
Румыния. — В. Е. — Так все будет хорошо. Привет.
Югославия. — В. К. — Получено. Привет.
Подкарп. Русь. — А. М. — Просьба исполнена. Привет.
Нью-Йорк. — М. Ч. — Получено. Привет.
Польша. — Е. К. — Получено. Привет.
Земун. — П. К. — Получено. Привет.
Белград. — В. К. — Получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.
Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski", ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 11, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).
M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B." Paray le Monial (Saone et Loire).
Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
Т. К. Хоруженко. M eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
И. Т. Курило. M-eur Kourilo, 3, rue de Lyser, à Cenon près Bordeaux.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров. 3.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefrpoi Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Козачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Козачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.

№ 74 *Вторник, 10 февраля, 1931 — Вівторок, 10 лютого, 1931.* *№ 74*

И. М. Назаров. (*Югославия*).

ДВА АНГЕЛА.

Два Ангела — один, как черный день
С пылающим лицом и черными глазами,
Другой, как белый снег, с лазурными очами, —
Во мне и надо мной — как свет и света тень —
Сражаются всегда за право над душою.
И вижу я порой, как белый херувим
Отходит под мечом противника... гоним
Все дальше от меня... окутан пеленою
Из мрака и огня... И бесконечно жаль
Мне милое лицо: оно залито кровью,
На нем легла отчаянья печаль...
О нем молюсь с тоскою и любовью.
Но, броситься в их бой, где гибнет мой хранитель,
Не в силах я: так страшен тот — другой
Из мрака и злобы таинственный воитель,
С его разящею змеиной красотой.
Порой же, как в душе порыва вспыхнет пламень,
Я в битву ангелов с смертельной высоты
Бросаюсь... как со скал летящий в бездну камень,
И, с белым ангелом соединив щиты,
Мы гоним черного... Он молнией сверкает,
Как буря, страшен он, но торжествуем мы
И, побежденный, он в боязни отступает
И в камнях прячется, перебегая тьмы...
Как в этот день светло! какой немой молитвой
Душа озарена!.. И ей не позабыть,
Что если нужно жить — то жить лишь этой битвой,
Или — не стоит жить...

Е. Якименко. *(Франция).*

Рапорт.

День в станичном правлении начался как всегда. Раньше всех пришел атаман; он уже побывал в конюшнях, кому следует — сделал внушение и теперь, не спеша, занимался в канцелярии. Хозяйственный был человек, во все вникал сам. Каждое утро час тратил на такой обход, зато все было в порядке.

Старший писарь, как всегда, пришел с опозданием, но никто никогда ему этого на вид не ставил. Да и как можно? Ведь он уже 15 лет служит, на нем держится вся канцелярия; станица его очень любит, особенно старики. Писарь с ними тоже всегда бывает обходительным, знает, что сердить стариков нельзя...

Поздоровавшись со всеми, не спеша, стал раскладывать бумаги на столе.

— Миколай Михайлович, ось тут срочное предписанiе, — говорит атаман, входя в канцелярию и здороваясь с писарем.

Писарь, привычным взглядом, пробежал бумагу и протянул: да...а.

Опiзнились ми, — продолжал атаман, — нужно исполнить зараз же та послать рапорт с нарошним...

Писарь уже и сам подумал, что ответ пойдет с нарочным, ну, а раз атаман сказал, то и совсем...

Застучали машинки, заскрипели перья и в полчаса ответ в управление отдела был готов. Сам атаман передал дежурному пакет и разносную книгу, чтобы тот немедленно отправил его в Уманскую.

Дежурный был бравый урядник Панкрат Дудка, с красной бородой, подстриженной по „полковому“; он уже обратил на себя внимание стариков и последние стали поговаривать о выборе его помощником атамана с нового года. Дудка в душе радовался этому и порой думал и об атаманском темляке; все чаще и чаще можно было видеть урядника в пивной со стариками выборными за стаканом пива. В пивную он обязательно попадал „случайно“.

Передавая пакет дежурному, атаман наказывал, чтобы нарочного послать толкового и расторопного казака, чтобы нигде ничего не напутал, а доставил бы бумагу по назначению...

— В точности будет исполнено, г. атаман, — отрапортовал урядник Дудка, по военному вытягиваясь „в струнку“ перед атаманом. Последнему это льстило, а о дежурном разносилась слава — как о хорошем служаке.

Урядник Дудка остановил свой выбор на казаке Припахайло; хотя он был и молодой, но этой весной, отбывая лагерный сбор, „выдвинулся“ тем, что на маневрах очень толково выполнял обязанности посыльного при командире полка. Казаки, вернувшиеся из лагерного сбора, уже успели рассказать в станице, что Припахайло „выслужився“ и в полку наверно попадет „в учебную“. Сам Припахайло тоже „драл нос“ и среди сверстников старался себя выделить, в десятый раз

рассказывая всем как он в лагерях во время доставил приказание командира полка.

Так вот этому то казаку дежурный, отдавая книжку с пакетом, об'яснил, что его нужно доставить сегодня же в ст. Уманскую в управление отдела.

— Тільки дивись, щоб усе було добре, ти ж козак росторопний, — напутствовал его дежурный.

— Та ви вже ж не беспокойтесь, Панкрат Харитонович, — отвечал казак, несколько боязно называя дежурного по отчеству, це мені не первина с сурьезними ділами робить діло. — Он, несомненно, хотел выразиться более замысловато, но в это время не подвернулось на язык подходящее слово.

— Он на що вже в лагерях... хотел казак говорить о своем „подвиге“ на маневрах, но дежурный торопил его.

— Ну іди поснідай, сідлай коня і шведенько в отдел.

Припахайло быстро, не совсем выработавшейся еще строевой походкой, направился домой. Дома, под тенью густой акации уселся поснідать, жена же хлопотала о провизии на дорогу. Хлеб и кусок сала уложила в ту самую сумку, в которой находилась рассыльная книга с пакетом; сумку повесила на щеколду двери и пошла в амбар за овсом для коня.

С'ев завтрак, казак направился в конюшню, вывел своего „Лыска“ и принялся за седловку; жена помогала приторачивать башлык и бурку...

... А в это время, откормленная свинья „Машка“, шляясь по двору с продетым кольцом в рыле, от нечего делать, заглянула в коридор, хрюкнула — никого, подошла к двери, тоже хрюкнула, — опять тишина, а тут ее ноздри стал щекотать приятный запах свежего хлеба; понюхала сумку, оказывается запах отсюда. Не видя „препятствий“, „Машка“ изорвала сумку, с'ела хлеб, изорвала рассыльную книжку (она пахла клеем, приготовленным из муки) и добралась до рапорта, который тоже изорвала...

Ничего не подозревая, Припахайло направляется в хату за сумкой, — жена держит лошадь.

От увиденного он чуть не упал. „Машка“ выскочила и пошла по двору, так же беззаботно похрюкивая, как будто бы ничего не случилось. Казак взял книжку и пакет, посмотрел хорошенько; книжка еще ничего, можно бы вычистить, подшить листы, заклеить изорванные, но рапорт в таком виде, что везти его в отдел нельзя, станицу только осрамишь...

— „Машка“ читала... — не сказал, а как бы прошептал казак и улыбнулся, но тут же спохватился, что бумага то срочная и как то нужно выходить из положения. Один выход, который был правильным, это идти в правление и попросить написать другой рапорт...

Несколько нервной походкой подходил Припахайло к станичному правлению. Дежурный очень удивился, увидя казака.

— А я думав, що ти вже на пів-путі; щитав тебе окуратним і справним козаком, — говорил урядник, все еще не могший догадаться, почему вернулся казак в правление.

— Позвольте доложить, г. дежурный, начал Припахайло тихо, без задора и уверенности в голосе. Урядник Дудка, очевидно, догадывался о неладном; у него мелькнула мысль: не утерял ли казак бумагу?

— Ну, кажи, що сталось? чего це ти до цього часу не поїхав? Видно было, что дежурный сам уже волновался, даже борода его казалась краснее.

— Розрішіть доложить, бледнея продолжал казак, що свиня рапорт зділа...

— Що..о? протянул дежурный, яка свиня? який рапорт?

Припахайло, видимо удивленный таким вопросом, продолжал несколько смелее и громче.

— Яка свиня? та моя свиня..., „Машка“, зділа той рапорт, що треба було везти в одел... и тут же протянул остолбеневшему от удивления дежурному изорванную книжку и остатки рапорта, подробно рассказав всю историю, не сваливая, однако, вины на жену, а главным образом на свинью „Машку“...

Доложили атаману; последний позвал Припахайла, и, не смотря на серьезность дела, все же с трудом сдерживал смех.

— Ну, козаче, скажи, як же це свиня рапорт зділа, — был первый вопрос атамана к вошедшему казаку. Но он оказался менее разговорчив в присутствии атамана, чем обычно.

— Та так, г. отаман, зділа, от і все.

— Так больше атаман и не добился от казака ничего...

В канцелярии писарь недовольно пишет рапорт заново, а атаман в книге приказаний медленно царапает своим мелким почерком малограмотного человека:

„Казака приготовительного разряда, конного состава, Макара Припахайло арестовываю, с посажением в карцер, сроком на семь суток за то, что будучи уполномочен на сурьезное дело, т. е. быть нарочным по отвозке срочного рапорта в отдел, допустил своей свинье „Машке“ скушать казенную бумагу, иначе рапорт. Станичный Атаман урядник Паливода“. Об'явил постановление дежурному, который и привел его в исполнение.

Когда дежурный вошел к атаману докладывать о выполнении приказания, последний подписывал рапорт, написанный заново.

— Добре, собиріть у зборні всіх козаків, а я зараз прийду.

Через несколько минут, когда в зборні были все казаки, туда вошел атаман; первое что он сделал, это передал книжку и пакет дежурному для отправки в отдел.

— Тільки назначайте козака, — у котрого свині неграмотні, и ви, обращаясь к казакам, про це не галдіть языками по станиці, а то срамота, ще дойде до отдела, то...

Предупреждения, конечно, не имели силы. Уже вечером знала все станица; передавали друг другу в искаженном виде, доходило и до того, что „рапорт у Припахайла свиню з'ів“.

Дежурному уряднику Дудке, описываемый случай сослужил плохую службу, — до самой смерти не попал он ни на одну должность в станичном правлении, даже не был выборным. Казак Припахайло, по приходе в полк, долго служил посмешищем; в „учебную“, конечно, не попал, а если на него и возлагалась обязанность снести куда либо бумагу, то не без улыбки обычно добавлялось: „смотри только, чтобы свинья не с'ела.“ Припахайло, обычно, молчал, слушая это предупреждение, только иногда тяжело, было, вздохнет, да недобрым словом помянет „Машку“.

П. Покотило. (*Прага*).

М А Р Ш.

Міцніще, козацтво, єднаймо ряди
В час лиха й недолі країни,
Міцніще, бо знайте, що лише сюди
Благаючий зір Батьківщини!

В кім сила ще є — хай рідний прапор
Несуть на раменах могутніх,
Хай дружно співає козацький наш хор —
Всім славу борцям незабутнім!

Єднаймось думками й бажанням одним,
Не біймось ні смерти, ні болю;
Ми чином, єднанням, змаганням своїм
Козацтву здобудемо волю!

Алексей Персидсков.
(*Братислава*).

* * *

Взлетом мысли соколиной
Разорву столетий тьму,
Вновь родившейся былиной
Расскажу про старину.
Вспомню я и про курганы,
Про степной простор,
И про то, как в битвах ханы
С ним вступали в спор.
Воскрешу обычай давний
Зимовых станиц;
Заплыву в Донские плавни
Бить из лука птиц.
Подымусь на кремль Азова,
Смерю башню Каланчу,
И со стен Черкасских снова
В душу степи загляну.
Вновь построю Монастырский,
Укреплю Раздор,
В край далекий Анадырский
Снаряжу дозор.
По широкой Волге речке,
На крутой Кавказ
Быстролетным, легким кречетом
Пролечу хоть раз.
Запалю огонь в Скутари,
Всколыхну Стамбул —
На султанской на бударе
Не уснет Абдул.
Пронесусь грозой по Крыму,
Наводню Бахчисарай,
Все, что надо мне на зиму,
Захвачу в родимый край.
Полонянок чернооких
Не отдам в Москву:
Я на лицах их широких
Прочитал тоску.
Песней звонкой заглушу я
Сердца стук неугомонный
И они, лишь чуть тоскуя,
Примут крест нерукотворный.
А потом, взовьюсь над Доном,
Гляну в око тихих вод,
И тревожным криком-стоном
Позову на бой народ.

Деды и внуки.

II.

Наиболее ярким судебным процессом против сибирских патриотов было дело о „независимости Сибири“. Управляющий III отделением „собст. е. и. вел. канцелярии“ всеподданнейше доносил: „21 мая 1865 г. у воспитанника Сибирского кадетского корпуса Арсения Самсонова найдено рукописное воззвание „К патриотам Сибири“, в котором с выражением ненависти к правительству и к верховной власти изложено, что Сибирь завоевана народом, бежавшим от царей для свободы, но потом царями захвачена; у народа отняли земли, полные богатств природы; казаки лишены самостоятельности, и край наполнен преступниками, развращающими жителей; что теперь явились пытки, смертная казнь, усилилась ссылка на каторгу, и тяжесть власти особенно пала на Сибирь, а потому требуют для нее республиканского правления по примеру Америки, для чего необходимо взяться за оружие; и что с этою целью образовалось уже общество под названием „Независимость Сибири“, агенты которого должны собирать деньги, устраивать типографии и приготовлять молодежь к восстанию.

Самсонов показал, что воззвание найдено его товарищем Гавр. Усовым у его братьев: ассесора войскового правления Сибирского казачьего Войска есаула Федора и хорунжего Григория Усовых. По произведенному у последних обыску найдены два литографских станка, ... письма секр. Томского статист. ком., отставного сотника Сиб. к. В. Григория Потанина, учителя Томской гимназии, мещанина Николая Ядринцева и слушателя Московского университета хорунжего Сиб. к. В. Александра Шайтанова“...

„Виновные“, разумеется, „арестованы и доставлены в Омск“. „Засим“ обнаружены и арестованы сообщники: проф. Щапов, сотник Сапожников, сотник Нестеров, Комаров, Зимин, Колосов, Бабиков, Тохтаров, Пахаруков, Кузнецов, Ганкин, Щукин, Шашков и др., всего 46 человек.

Тяжелее всех пострадал Потанин, приговоренный к 5 годам каторжных работ с последующей ссылкой. Другие, после 3-х летнего предварительного заключения, были приговорены к ссылке в отдаленнейшие уезды Архангельской губернии, третьи — к кратковременному тюремному заключению, некоторые освобождены. Среди высланных в Вятскую губ. был один воспитанник Иркутского военного училища Андрей Золотин, которому в момент совершения „преступления“ (передал прокламацию) было 12 лет.

Сибирский сепаратизм не был уделом только интеллигентских кругов сибирского общества. Сибирская буржуазия также отчетливо понимала, чем были для Сибири агрессивные аппетиты буржуазии русской. В то время, как, по мнению проф. Сватикова, сепаратизм группы Потанина был принципиальным, народническим, говорившим о более или менее отдаленном будущем, сепаратизм купеческих и иных сибирских кругов, основанный на ущемлении их интересов, был реальным, практическим и потому более резким и определенным.

После разгрома группы Потанина-Ядринцева, сибирское областничество значительно ослабело, но далеко не умерло. В самой Сибири осталось старшее поколение областников, более умеренное в своих требованиях и осторожное в действиях. Областническая работа, хотя и не с прежним размахом и напряжением, все же продолжалась. Группа же Потанина даже и после десятилетних страданий сохранила бодрость духа и энергию и приступила к работе на пользу родины, как только представилась для этого возможность.

Освободившись из ссылки и не имея возможности возвратиться в Сибирь, Потанин и Ядринцев поселились в Петербурге, где также стали продолжать борьбу за родное им дело. Здесь они усиленно пропагандируют необходимость земской и судебной реформ для Сибири, введенных уже в России, прекращения ссылки, открытия университета. Благодаря их настояниям Сибирь получила и университет, хотя и в весьма урезанном виде в составе одного факультета, и новые судебные установления, и новое городовое положение. Земства же они не смогли добиться, и Сибирь так и осталась без него вплоть до революции.

В то же время они выступают, особенно Ядринцев, в различных органах прогрессивной печати, проводя свою областническую точку зрения, выступают в связи с различными, преимущественно радикальными, группировками русского общества, ища единомышленников и поддержки своим областническим стремлениям. Но именно здесь их ожидали наибольшие разочарования. Влияние Герцена, морально поддержавшего польское восстание, пошло на убыль, от него отвернулись. Для правых кругов, — бюрократии и буржуазии, — идея областной автономии казалась просто абсурдом. В революционных же группировках первенствующую роль играли мотивы социальные. Вопросы же, больше всего интересовавшие сибиряков, как окраинцев, для них казались второстепенными, малозначущими, а то и просто опасными, от решения которых они уклонялись, чтобы не отталкивать до поры до времени окраинцев.И к тяжелым, горьким выводам в это время пришел Ядринцев, писавший потом, под конец своей жизни в своей автобиографии:

„Я убедился, как слабо проявлялась вообще областная идея... в Европ. России. Она жива была... только на окраинах. В Великороссии же всегда господствовала идея централизации... Эта привычка рассматривать народную жизнь с централистической точки зрения перешла и в либеральные, оппозиционные, народнические и революционные теории. Централисты — бюрократы сменяются централистами-культуртрегерами, идущими в народ, централистами-якобинцами и т. д.“

Это было написано в 1894 году. Почти через 40 лет, после революции, на оселке которой на наших глазах проверены программы всех русских партий и испытана искренность их авторов и последователей, мы утверждаем то же самое. Да, централистическая точка зрения свойственна всем направлениям русской политической мысли, в том числе и тем, которые одним из основных пунктов своих программ ставят федерацию. На основании кровавого опыта мы теперь знаем, что автономизм кадетский и Деникинско-Колчаковский, федерализм эсеровский и эндековский, конфедерализм большевицкий — не более, как фиговый листок, прикрывающий подлинную наготу „истинно-русского“ централизма.

На основании того же кровавого опыта, который особенно остро переживается всеми „окраинными“ народами в настоящий момент, мы теперь знаем и то, чего, возможно не знал Ядринцев, — что дело не только в привычке, привитой русскому народу веками азиатского деспотизма сверху и беспомощного рабства снизу, но и в том, главным образом, что централистическая точка зрения для него, по его мнению в целом, весьма выгодна. Ибо централизм именно, т. е. сосредоточение неограниченной власти в центре, в Петербурге или Москве, всегда давал возможность России подчинять своим интересам интересы окраин-колоний. Благодаря именно централизму, во имя которого Петр I не остановился перед варварским уничтожением чуть не половины всего населения северного Дона и во имя которого он разгромил донское народоправство, русские цари имели возможность потом отнимать у донского казачества миллионы десятин земли „под государственное коннозаводство“, заставлять его нести воинскую повинность за собственный счет и т. д. и т. д., не давая взамен ему ровно ничего. Благодаря централизму „диктатуры пролетариата“ большевики забирают в Казачьих Землях пшеницу под метелку, продовольствуют ею „пролетарские центры“ и торгуют с заграницей, заставляя казаков питаться ячменем и кукурузой. Желание обеспечить и будущей, „новой“ России возможность того же бесконтрольного и беспрепятственного распоряжения богатствами окраин руководит и нынешней русской эмиграцией.

Задним умом крепок русский мужик, — говорит русская пословица. Да и не только мужик, заметим мы.

Когда польский народ изнемогал под деспотически-централистским русским гнетом, наиболее просвещенные круги русского общества укоризненно кивали в сторону своего правительства и словесно сочувствовали полякам: это-де правительство, а мы — против насилий и гнета. Когда же польский народ не выдержал „братских“ об'ятий России и восстал на борьбу за свое национальное освобождение, то же русское общество дружно поддержало расправу царского правительства с польским восстанием, а Герцена, бывшего до того „властителем дум русской интеллигенции“ и морально поддержавшего польских повстанцев, не менее единодуш-

но заклеймило печатью предателя и изменника, на долгие годы отвернулось от него и морально изолировало его и его друзей. А в 1918 г. освобождение польского народа и создание им своего государства „приветствовали“ даже Деникин с Долгоруким и Врангель с Кривошеиным. Вслед за ними „приветствует“ теперь поляков и вся русская эмиграция. Мало того, современное русское общество пошло даже значительно дальше Герцена и так же „приветствует“ и Финляндию, и Латвию, и Эстонию, и Литву, — словом, всех, кому удалось освободиться от российских об'ятий, вопреки воли русского общества.

Но то же русское общество, даже наиболее политически демократические его круги, как круги Милюкова, Керенского, Адамовича и круги невозвращенцев — Беседовского и Дмитриевского, не только не приветствуют украинцев, белоруссов, грузин, а тем более казаков, т. е. всех тех, кому не удалось отстоять себя от об'ятий красной России и которые продолжают борьбу за свое национальное освобождение, но то же русское общество настойчиво стремится вырвать у них „жало сепаратизма“, бранит их „самостийниками“ и борется с ними всеми доступными в его настоящем положении средствами. А так как этих средств у эмигрантского русского общества, сравнительно, очень мало, то оно склонно иногда щадить даже ненавистную им советскую власть, — лишь бы не дать самостийникам возможности использовать благоприятную обстановку для своего национального освобождения.

Однако, основное направление общего исторического процесса переживаемого нами времени и положение в СССР таковы, что нам не так долго, как полякам и финнам, придется ожидать часа нашего национального торжества, и весьма возможно, что даже Милюков и Керенский вынуждены будут „приветствовать“ наше национальное освобождение, как сейчас они „приветствуют“ поляков и литовцев.

Но, возвратимся к нашим братьям шанхайцам, так любящим „славные традиции седой казачьей старины“ и убежденным, что историческое назначение казачества — быть якорями Российского государства на его окраинах.

О каких же, — позвольте спросить, — традициях они говорят? Об уважении к старшим? Но если они хоть немного знают историю именно седой казачьей старины, они должны знать, что отношения не только личные, но и общественно-экономические и политические, в казачьем обществе были основаны на глубоком сознании полного равенства всех казаков во всех отношениях и на глубоком чувстве товарищества и братства. Когда московские цари приглашали донцов прислать на Москву посольство „из лутчих людей“, Донской Круг отвечал: „Лутчих людей у нас нет, все мы меж себя равны; лутчие, — кого мы, выбрав Войском, пошлем“. Особым же уважением в казачьем обществе пользовались лишь те, кто своим умом, моральным весом и деяниями на общее благо Войска того заслуживали, и лишь до тех пор, пока они были достойны этого, пока свои таланты они отдавали Войску и блюли его интересы и достоинство перед московскими царями и турскими султанами. И уважение это заключалось лишь в том, что к их голосу на Круге прислушивались больше и внимательнее, чем к другим. Но если бы такой уважаемый казак, хотя бы он был 20 раз Атаманом, вздумал „доброхотствовать Москве“, или турскому султану, или крымскому хану и попытался интересы Войска подчинить их интересам, тогда через полчаса после того, как это было бы установлено, он в куле сидел бы на дне Дона. Московские доброхоты из казаков рассматривались на Дону и в XVII и XVIII веках так же, если не хуже, как и московские „лазутчики“.

Современного Донского Атамана все донские в. к. обвиняют в том, что он „доброхотствует“... даже не царям московским, а их белым генералам, даже последышам этих генералов. Его обвиняют в том, что он нарушает конституцию Дона, что он... скажем мягче — нарушает свою присягу, данную Донской Республике. А он, обратив себя в Атамана пожизненного, не только не опровергает этих обвинений, но даже еще подтверждает их, демонстративно прикрыв казачьи флаги русским на могиле „неизвестного солдата“ в Париже. И господа шанхайцы, — народ все важный, титулованный, явно претендующий на особое уважение среди казачества к их чину и званию, — детски лепечут: „Личные выпады против выборных Атаманов“... Выборный Атаман? Следовательно, обсуждаемый, оцениваемый, критикуемый и сменяемый. Его атаманскую деятельность, — блюдет или нарушает конституцию, мог или не должен был Атаман свой флаг покрыть чужим, блюдет интересы Войска или „доброхотствует“ турскому султану, — и обсуждают и должны обсуждать. Взял Атаман перо публициста, — не сетуй, если на тебя возьмут десять перьев. Понимают ли тогда господа шанхайцы, что такое личные выпады? А если понимают, то это значит, что они хотят кого то ввести в заблуждение, чтобы заткнуть рот противникам, или выборного Атамана под сурдинку превратить в наказного...

Не о славных традициях седой казачьей старины думают шанхайцы, когда говорят эти слова, а о совсем не славных „традициях“ той части казачьей старшины, которая, опираясь на царского наказного атамана, могла еще не так давно прикрикивать: „Молчать и не рассуждать!“

Нет, „славные традиции седой казачьей старины“ не на стороне господ шанхайцев.

Но может быть история казачества за них? О, нет! И они, наши политические противники, господа шанхайцы и особенно их парижские друзья прекрасно знают и понимают это. Они очень хорошо понимают, что правдиво и хотя бы относительно беспристрастно изложенная история казачества — против них и за нас, и потому бегут от нее, как от ладана.

Факты? А вот все то, что мы рассказали из истории областничества в Сибири, о чем говорит? О том, что так дорого нам и ненавистно им, — о сибирском самостийничестве, ведущую роль в котором играли сибирские казаки. Мы подробно рассказываем об этом нашему читателю, как только получили возможность сами ознакомиться с книгой проф. Сватикова. Господа же Мельников и Марков со своим журналом „Родимый Край", обязательно примут „надлежащие меры, чтобы пресечь зло в корне", и постараются не заметить и замолчать „вредную книжонку".

А вот и еще один, но более знаменательный факт. Донская Историческая Комиссия издала в Париже историю Дона — „Россия и Дон" проф. Сватикова. Автор ее сам автономист, о чем сам заявляет в предисловии к своей книге, но настолько добросовестный и корректный историк, что не замолчал и тех исторических фактов, которые характеризуют казачество, как „прирожденных республиканцев" и неисправимых самостийников, и прекрасно документировал ее. Мы стремимся возможно полнее ознакомить нашего читателя с родной историей, хотим воскресить в его сознании действительно славное и прекрасное прошлое нашего народа, и потому широко используем на своих страницах труд Сватикова и рекомендуем тем самым ему самому заинтересоваться и обратиться к чтению этой книги. Мы нисколько не боимся некоторых тенденциозно-автономистских предпосылок в начале и выводов в конце книги, не сомневаясь, что живое и горячее чувство любви к своему народу и его прошлому, которое загорится у казака при ее чтении, подскажет ему более правильные выводы, чем предлагает ее автор. Редактор же „Родимого Края" был членом той самой Комиссии, которая издавала „Россию и Дон", и, следовательно, уж никак не мог не знать, что такая книга по истории Казачества где-то в подвалах Донского Атамана существует. Редактор „Родим. Края" и его „генеральный" секретарь г. Марков, бия себя в грудь, доказывают и на страницах журнала, и на собраниях казаков, что они — горячие и последовательные автономисты, и пичкают своего читателя... сказками Гоголя, которые известны ему еще со школьной скамьи. Из номера в номер, регулярно и настойчиво они берут выдержки из повести Гоголя „Тарас Бульба" и помещают их в виде эпиграфов ко всему номеру. Было бы, кажется, естественнее и правильнее не пичкать казака уже сказками, а дать ему возможность узнать хотя заграницей то из истории его народа, что до революции скрывалось от него под страхом каторги, ссылки и проч. скорпионов. Отчего бы, кажется, не напечатать эпиграфом хотя бы к одному номеру своего „автономистского" журнала, например, хотя бы такой вывод историка: „Подводя итоги, мы можем утверждать, что в XVI—XVII веках Войско Донское, говоря языком современного государственного права, было простой непосредственной демократической республикой" (Сватиков: Россия и Дон). Отчего бы не взять несколько таких эпиграфов и не рассказать читателю действительно славные страницы истории его народа?

Оттого, — ответим мы, — что таким путем легко можно пробудить у казака интерес к знанию своего действительного прошлого; оттого, что в таком случае у него могут, — храни, Боже, — воскреснуть старые идеалы старого вольного казачества, и он снова станет противополагать себя русскому, а Дон — Руси, — словом, снова станет самостийником.

Поэтому они замалчивают историю казачества, рассказывающую не о военных только его подвигах, но и о его старой гражданственности, разбитой Россией. Поэтому они замалчивают исторические труды даже своих „единомышленников" — и убаюкивают своего читателя старыми, давно известными сказками.

Они знают, что история казачества против них и за самостийников, и потому замалчивают ее, а „неосторожно" изданный труд автономиста Сватикова глубже прячут в подвалах новоявленного Вишаты Васильева.

Современные „доброхоты" хорошо учитывают опыт 1917—20 г. г., знают, что и 200 летний период существования казачества под властью Москвы на положении служилого сословия не вытравил из него духа предков, и потому всячески стараются подсунуть ему автономистскую программу. Но это только тактический прием, с помощью которого они хотят отвлечь внимание казачества от его исторического пути и направить его в такое русло, которое привело бы его в единонеделимческое русское море.

„Шанхайцы" с полуслова понимают своих парижских друзей и патронов, но, не умудренные их политическим опытом, наивно еще обосновывают свои стремления „седой стариной" и „историческим назначением казачества". Они так и заявляют, что последнее состоит в том, чтобы служить „якорями" русского правительства на окраинах России. И, сделав такую предпосылку, шанхайцы приходят к выводу, что самостийники — предатели и изменники русскому национальному и казачьему делу.

Измена и предательство национального дела, предатели и изменники своему народу! Что может быть позорнее и страшнее этого?

Но отчего же они так легко и поспешно бросаются такими обвинениями? Не горит ли на них шапка? Посмотрим. Они утверждают, что казак — русский человек, так же, как пензяк или тамбовец. Мы же доказываем, что казачество — такой же славянский народ, как украинцы или болгары, и так же противополагаем его русскому народу, как чехи или поляки противополагают себя ему или друг другу. Призываем историю, и она говорит: „казаки всегда, в течение всей своей истории противополагают себя русским". Шанхайцы и их парижские патроны хотят внушить себе и другим, что историческое назначение казачества состоит в том, чтобы служить „якорями

русского правительства на окраинах русского государства". Другими словами: они хотят, чтобы казачество и в дальнейшем выполняло ту роль военно-служилого сословия в русском государстве, которая силою была навязана ему после смерти Атамана Булавина, т. е. служило средством в руках русского правительства для расширения и охраны границ русского государства и было опорою... престола. Последнего шанхайцы не говорят, но несомненно мечтают об этом, ибо служить правительству Керенского они явно не хотели и по отношению к нему проявили себя явными самостийниками.

Мы же утверждаем, что роль завоевания для России соседних с нею народов — далеко не почетная, и тем более невыгодная роль, а роль „охранников царского престола" — привела к тому, что русский народ стал ненавидеть казачество. Мы доказываем на основании истории, что служебная роль была навязана казачеству русским государством силою, что само казачество всегда смотрело на себя, как на самоцель, и упорно, настойчиво боролось против превращения его в „якоря" русского судна и за то, чтобы отстоять от разрушения свой государственный корабль. Мы утверждаем, что казачество существовало самостоятельным государством, как народ, и хотим, чтобы и в дальнейшем оно осознало себя, как народ, и восстановило свое разрушенное Россией государство.

За это наши шанхайские братья, подталкиваемые из Парижа, называют нас предателями и изменниками.

Но призовем историю, а она говорит: „Казаки всегда, в течение всей своей истории противополагают Дон Руси".

Современные казачьи историки, — С. Г. Сватиков и И. Ф. Быкадоров и русский — С. Тхоржевский, — категорически утверждают, что Войско Донское в XVI—XVII веках существовало, как совершенно и ни от кого независимое государство, „со своею непроизводною властью, территорией, народом и правом международных сношений". Всю историю Дона до 1917 г. историки делят на 4 основных периода:

С 1549 по 1671 г. г. Дон существовал, как независимое государство; с 1671 по 1721 г. г. — период государственной автономии в составе России; с потерею права свободного выбора Войскового Атамана в 1721 г. и по 1835 г. тянется период областной автономии; в период 1835—1917 г. г. донское казачество „превращается в служилое, закрепощенное русскому государству сословие военных поселян". Примерно по той же схеме протекала история и других казачьих Войск.

Но не по доброй воле казачество с высоты своего государственно-независимого существования постепенно скатилось до положения военно-служилого сословия, а под давлением грубой и жестокой силы Российского государства и в постоянной и упорной борьбе с ним. Много крови пролито казачеством в этой борьбе за волю. Она вопиет к потомкам. Это ее голос поднял на борьбу и страдания сибирских патриотов. Чуя ее зов, и мы зовем казачество на борьбу за волю, завещанную нам предками.

Как стальная пружина, сжатая до отказа, мгновенно подскакивает вверх, как только гнетущий груз сваливается с нее, так и казачество, покорное голосу крови, встало в 1917 г. во весь свой исторический рост и менее чем за год, вернуло себе то, что отнималось у него в течение 200 лет. Историк современности спокойно и беспристрастно заносит в свой протокол:

„10 декабря 1917 г., не смотря на оговорки, Дон стал самостоятельным государством" („Россия и Дон", стр. 4).

Так же поступили и другие Войска, все казачество.

Таким образом, из всех ступеней, на которых волею судьбы казачество стояло за свою многовековую историю, оно сразу же заняло первую, высшую. И теперь, когда оно снова страдает под пятою новой России, мы убеждены, что поступаем и в духе 1917—20 г. г., и в духе седой старины, призывая его снова встать на борьбу за свою государственную независимость, потерянную в 1671 и в 1920 г. г. Ибо мы убеждены, что его страдания будут продолжаться до тех пор, пока оно будет находиться под властью России.

Мы зовем казачество спасти свой корабль государственности, тонущий в русском море, а наши противники уговаривают его снова взять на себя роль „якоря" на чужом корабле, позорную роль охранителей чужого государства, по справедливости именуемого тюрьмою народов, — роль, от которой казачество с радостью отвернулось в 1917 г. Мы зовем казачество снова подняться на высшую ступень, к достижению своих целей, а наши противники тянут его на низшую, предлагая ему отказаться от своих целей и служить средством для достижения целей чужих, и, указывая пальцами на нас, кричат: предатели, изменники казачеству и родине!

Кому „доброхотает" некоторая современная казачья старшина, — г. г. Мельниковы, Марковы, Богаевские и их шанхайские друзья, — надо полагать, не может быть двух мнений: Москве, ее последышам. И не так ли, как в „седую и славную казачью старину", должно отнестись к ней за это современное казачество? Несомненно так, ибо сами шанхайцы в свидетели обвинения своих противников призывают именно старину. Что же говорит наша седая, славная старина? На странице 48 своего труда „Россия и Дон" историк С. Г. Сватиков рассказывает. В 1593 г. Борис Годунов — правитель вздумал наложить на Дон московскую руку, посадить донцам назначенного „голову" и вообще поступить с ними так, как поступали царские воеводы в новозанятых местностях. Эта миссия была возложена на царского посла Нащокина, ехавшего Доном в Цареград. По пути Нащокин толковал кое с кем из верховых казаков и привлек на свою сторону некоторых старшин, в том числе и атамана Вишату Васильева. По содержа-

нию царской грамоты, по всему необычному поведению Нащокина Низовое Войско поняло, что дело идет о превращении его в служилое или, как говорят шанхайцы, в „якорь русского правительства". Вместе с Нащокиным был и новообращенный „доброхот" московский Вишата Васильев. Оскорбленные поведением Нащокина и возмущенные ролью Васильева, донцы, придя через несколько дней в стан посла, захватили там силою Вишату Васильева, „били его ослопы" перед шатром посла и тут же „посадили его в воду", „а говорят — доносил Нащокин царю, — что он всему Войску изменник". Заключая рассказ об этом, историк говорит: „Вишата Васильев, пошедший в служилые казаки, был казнен казаками, как изменник Войску, за то, что „государю доброхотает". Один этот факт говорит больше об отношениях Дона к Москве, чем десятки отписок, от имени „холопей" писанных".

Скажите, господа шанхайцы, кто же из нас должен по праву носить ваш ярлык „изменников казачеству и родине"? Мы ли, зовущие казачество к восстановлению своей государственности, к самостийности, потерянной отчасти по вине Васильевых? Или современные „доброхоты"... царских воевод, тянущие казачество на ступеньку служилого сословия и убеждающие его, что счастье его в том, чтобы служить „якорем" на чужом прогнившем корабле? Скажи и ты, наш читатель, подумай основательно и скажи, кто же из твоих братьев стоит на пути измены казачеству, — самостийники или их противники?

А. Ленивов.

Историческая справка о Калмыцком, Башкирском, Енисейском и Красноярском Казачьих Войсках, возникших в период 1917—1920 г. г.

1. Калмыцкое Войско.

В 1917 году калмыки и киргизы Астраханской губ., а равно и соседних губ. (Ставропольская) решили перейти в Казачество, сохранив, однако, за собой, как территорию, так и веру, язык и свой уклад национального быта.

Почему именно и чем именно Казачество прельстило их, видно из следующего постановления II Калмыцкого с'езда, имевшего место в г. Астрахани 24-25 июля 1917 года.

„Калмыки Астраханской губернии, созванные 25 июля в г. Астрахань, обсудив политические и экономические вопросы жизни своего народа в связи с общеполитическим состоянием Империи и имея в виду складывающиеся перспективы разрешения социальных вопросов и выслушав доклад делегата союза Казачьих Войск Сережникова и всесторонне обсудив этот вопрос, единогласно постановили: перейти в Казачество, для чего ходатайствовать перед всероссийским с'ездом Казачьих Войск о причислении их в свою среду и причислить к Донскому Казачеству с правом сохранения за Калмыцким Казачеством, вновь образовавшимся, права территориальной административной областной единицы в современных ее границах, с тем условием, чтобы ее вышеозначенные области и калмыцкие казачьи станицы Сальского округа Донской области были включены в одно национально-территориальное целое. Делегатами на всероссийский с'езд Казачьих Войск избраны кн. Тундутов, эсаул Бальзанов, С. Б. Баянов".

Постановление это, однако, не было проведено в жизнь, ибо оказалось тогда слишком много препятствий для об'единения калмыков с донскими казаками, в частности необходимо было кардинально разрешать вопрос о донских калмыках, бывших уже издавна казаками.

Постановление о причислении Астраханских калмыков к Донскому Казачеству, вынес и с'езд Калмыцкого духовенсва, состоявшийся 22 июля того-же года (1917) в г. Астрахани. Около того же времени (июль 1917 г.) состоялось и Об'единенное Собрание делегатов, как II Калмыцкого национального с'езда, так и с'езда калмыцкого духовенства, которое и вынесло постановление о переходе калмыков в Казачество.

Копии тех постановлений были препровождены как в г. Новочеркасск, в адрес Донского Правительства, так и в адрес Совета Союза Казачьих Войск, находившегося в г. Петрограде.

28 июля 1917 года в г. Новочеркасске состоялось экстренное совещание при участии Донского Правительства, представителей Совета Союза Казачьих Войск, Кубанского, Терского, Яицкого Войск, а равно и Астраханских калмыков. Совещание, происходившее под председательством Атамана Войска Донского ген. А. М. Каледина, вынесло постановление о необходимости принятия калмыков (дербетов) Астраханской и Ставропольской губерний в среду Казачьих Войск, предоставив самому калмыцкому народу право решить вопрос о времени присоединения к Казачеству.

Таким образом, вопрос о вхождении Астраханских калмыков в состав Донского Войска, принял несколько иные формы, нежели чем это разрешалось на калмыцких с'ездах. В частности, на Большом Войсковом Круге Астраханского Войска, имевшем место в г. Астрахани в месяце сентябре 1917 года, было принято решение о приеме калмыков в состав Астраханского Войска.

Именно с этого момента Астраханские калмыки формально и устанавливают свою принадлежность к Казачеству.

После октябрьского переворота, в декабре 1917 года в урочище Яшкуль состоялся Большой Войсковой Круг Калмыцкого Казачьего Войска, который выработал конституцию и принял постановление о вхождении в Союз Юго-Восточных народов.

Калмыцкое казачье Войско, согласно конституции, имело собственное самоуправление, как то: Войсковой Круг, Войсковое Правительство, окружные атаманы, станичные и хуторские правления. Согласно договору между Калмыцким и Астраханским Войсками, они оба имели одного и того же выборного Войскового Атамана, но обязательно из коренных казаков.

Большой Войсковой Круг Калмыцкого казачьего Войска в заседании своем от 23 декабря 1917 года избрал заместителем Войскового Атамана гвардии ротмистра кн. Д. Тундутова, председателем Войскового Правительства В. Криштафовича, тов. предс. Н. Огирова, старшинами — С. Баянова, О. Воскомунева, нойона Тюменя и Е. Ганова. Окружными Атаманами были избраны и утверждены — Д. Бальзанов, Ч. Душан, А. Мещраков, В. Татуев и нойон Тюмень.

Войсковым Атаманом, как для Калмыцкого Каза-

чьего Войска, так и для Астраханского Войска, являлся Атаман последнего, ген.-м. Бирюков.

В административном отношении территория Калмыцкого казачьего Войска делилась на пять округов, в состав коих входили дербетские (калмыцкие) улусы. Состав населения Калмыцкого Войска в описываемый период выражался в числе 160.000 душ (калмыков). Конечно, эта цифра берется приблизительно.

2. Башкирское Войско.

К моменту российской революции 1917 года, башкирский народ оказался совершенно неподготовленным, главным образом благодаря отсутствию интеллигенции. В жизни башкирского народа, первое время, в наступившем революционном хаосе, наблюдалась известная дезорганизация.

Однако, немного уже спустя, именно в дни большевицкого переворота (октябрь 1917 года), башкиры являли собой пример организованности и сплоченности, встретив с оружием в руках незванных оккупантов, российских большевиков.

Необходимо указать, что вся история башкирского народа, представляет собой сплошную кровавую борьбу башкир с русскими, начиная с 1552 года (покорение Казани) и кончая 1916 годом (восстание башкир) и все это в общем итоге за независимость Башкирии.

В 1917 году зародилась мысль об организации Восточного Казачьего Союза по образцу и подобию уже существовавшего Юго-Восточного Казачьего Союза, к составу коего принадлежали Донское, Кубанское и Терское Войска, а также и горские народы Кавказа. В состав Восточного Казачьего Союза, по мнению организаторов, должны были войти: Оренбургское, Сибирское и Уральское Войска, а также Казакостан (киргизы) и Башкурдистан (башкиры). Как известно, этот проект никогда не был проведен в жизнь, ибо план организации Восточного Казачьего Союза был отклонен Казачьей конференцией, состоявшейся в месяце июле 1920 г. в г. Чите, столице Забайкальского Войска.

Первые фазисы антибольшевицкой борьбы на т. н. Волжском фронте протекали главным образом в границах территории Башкурдистана (пределы части Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний). Башкиры, выставив на борьбу все мужское население, способное носить оружие, защищали не только свои жилища, но и оказывали значительную помощь живой силой (башкирские пешие части на Оренбургском фронте) своим непосредственным соседям — Оренбургским казакам, в столице коих (г. Оренбург) и пребывало некоторое время правительство Башкурдистана (Башкирии).

18 ноября 1918 года в г. Омске, столице Сибирского Войска, произошел т. н. государственный переворот, когда была свергнута Директория (Авксентьев, Болдырев, Виноградов, Вологодский, Зензинов) и на смену ей явилось правительство адмирала Колчака.

Этот переворот был признан всеми, за исключением одного только правительства Башкурдистана (Башкирии), председатель коего Валидов уже 1 декабря созвал тайное совещание, составленное из лиц, враждебных Колчаку, и предложил с помощью четырех башкирских полков, стоявших в Оренбурге, поднять восстание против Колчака. Заговор не удался, благодаря предательству одного из членов совещания.

Несмотря на провал Валидовского заговора, политика Башкирского правительства была одобрена всеми башкирами, оставившими ряды антибольшевицких армий и разошедшимися по своим аулам и поселкам.

Омское правительство Колчака отказывалось признать автономию Башкурдистана (Башкирии) и запрещало формирование особых башкирских частей.

Указываемые обстоятельства сыграли решающую роль в том, что большинство башкир перекинулось на сторону большевиков и стало драться с оружием в руках против войск Колчака. Но и это на весьма непродолжительный срок, ибо выяснилось, что и от российских большевиков ничего хорошего не ждать башкирам. Осталось последнее и башкиры начали свой крестный путь отхода на Дальний Восток, бок о бок с казаками.

В июле месяце 1920 г. в г. Чите состоялась Казачья Конференция, по постановлению коей и состоялось причисление к Казачьим Войскам нового Войска, образовавшегося в походе, именно Башкирского казачьего Войска.

И если это Башкирское Войско определилось, как войсковая организация, лишь в самый последний момент (июль 1920 г.), пребывая до этого времени в образе непризнанной областной автономной единицы (Башкурдистана), то этим самым вовсе не надлежит причислять Башкирское войско к историческим исключениям. Прецендентом для этого, является ссылка на то, что еще в XVII веке существовало Башкиро-Мещерекское Войско, следовательно башкиры уже издавна выявили свою принадлежность к Казачеству.

Уместным будет привести и численный состав башкир, каковой по Всероссийской переписи выражается общей цифрой в 254.560 душ.

Так, в кратких чертах, представляется история образования Башкирского Войска в июле 1920 года.

3. Енисейское Войско.

1917 год является датой возрождения Енисейского Войска, ведущего свое начало от казаков из дружины Ермака, завоевателя Сибири.

Енисейское Войско было рассказачено в 1871 году, когда Енисейский и Иркутский казачьи полки были расформированы, а потом и упразднены, после чего енисейские казаки в военном отношении были подчинены командующему Иркутским военным округом. В гражданском отношении, станицы были введены в подчинение гражданским властям, причем значительная часть казаков была попросту переведена на крестьянское положение (село Эсауловское и т. д.).

Февральская революция 1917 года вернула Енисейским казакам их казачье я. Собравшийся Войсковой Круг избрал Войскового Атамана. Второй Большой Войсковой Круг Енисейского Войска, состоявшийся в сентябре 1917 года, принял положение о самоуправлении в Енисейском Войске.

Октябрьская революция, залившая потоками крови Казачьи Края, нашла отклик и в Енисейском Войске. Два русских пехотных полка, стоявшие в ст. Красноярской, передавшись на сторону большевиков, начали усиленно насаждать большевицкий режим. Железная дорога, золотые прииски и т. д. находились в руках рабочих, руководимых политическими ссыльными, пребывавшими в сих местах, уголовные арестанты выпускались на свободу и т. д.

Внезапно прибывшие с германского фронта три сотни енисейских казаков, способствовали в значительной степени временному водворению порядка, однако на весьма непродолжительное время.

Февраль 1918 года представляет переходный момент для Енисейского Казачества; Красноярский совет рабочих и солдатских депутатов пред'явил Войсковому Правлению ультиматум и потребовал — 1) расформирования казачьих сотен, пришедших с фронта, 2) выдачи оружия и 3) отказа от казачества.

Ультиматум свой Красноярский совет подкрепил силой оружия, организовав отряды красной гвардии из рабочих, солдат и уголовных преступников, причем эти отряды содержались на счет Енисейского Казачества, так как Войсковые суммы последнего были реквизированы большевиками.

Войсковой Атаман, Войсковое Правление, казачьи сотни, пришедшие с германского фронта, большинство казаков ст. Красноярской, отказавшись выполнить ультиматум и, не желая капитулировать перед силой большевицкого оружия, оставили в один из февральских дней г. Красноярск, перешли р. Енисей и двинулись на север, в надежде обосноваться в одной из станиц и оттуда начать борьбу с большевиками.

Большевики, отлично учитывая обстановку, решили уничтожить ушедших из Красноярска казаков; сообразно этому они и выслали сильные отряды для преследования.

18 февраля Войсковой Атаман Сотников собрал Войсковой Совет (Войсковое Правление с представителями от сотен), изложил обстановку и предложил ра-

зойтись по станицам. Для членов Войскового Правления, равно как и для офицерского состава было совершенно ясно, что Атаман Сотников (по своим убеждениям социалист) просто на просто играет в руку большевикам и что идея казачьей самостоятельности для для него простой звук. Тем не менее они ничего не могли сделать, ибо в этот момент в казачьей массе определился упадок духа и казаки приняли решение разойтись во станицам.

Войсковой Атаман бежал в Алтайский округ, большинство членов Войскового Правления были схвачены большевиками и брошены в тюрьму, часть казаков бежала в Уренхайский край, другая же часть, главным образом казаки Минусинских станиц, особенно сильно пострадала от большевиков.

Появление чехословацкого корпуса в Сибири, знаменует новую эру в истории возродившегося Енисейского Войска. Собравшийся 3-ий Большой Войсковой Круг избрал Войсковым Атаманом сотника Тялшинского, выбрал Войсковое Правление и начал деятельную организационную работу по борьбе с большевиками.

Борьба с последними протекала все последующее время в чрезвычайно тяжелых условиях. Канский, Минусинский и Агинский уезды все время находились под ударами большевицких банд штабс-капитана Щетинкина и лесничего Кравченко. Станицы и поселки Енисейского Войска, растянутые на расстоянии от Туруханского Края до границ Китая, иными словами от Полярного круга до китайских границ, все время находились под прикрытием двух Енисейских казачьих полков (шестисотенного состава) и это при населении Войска в 1919 году в 15.000 человек. Отсюда можно судить, каково было напряжение Енисейского Войска в борьбе с российскими большевиками, разорившими его как в физическом отношении, так и в экономическом.

Отношения между Енисейским Войском и правительством Колчака, все время продолжали быть натянутыми, в виду того, что к казакам не было доверия, им пред'являли обвинение в сепаратизме, т. е. иными словами повторялось тоже, что было и на Юге в отношении Дона и Кубани со стороны русских добровольцев Деникина.

И тем не менее, как на Юге посылались Деникиным первыми на Москву казачьи корпуса, так и в Сибири, со стороны Колчака проявлялась деятельная организация рейда в направлении на Москву, причем „честь" выполнения этой задачи была возложена на 40.000 (?) конный корпус, составленный из оренбургских, семиреченских, енисейских и забайкальских казаков под командой Атамана Сибирского Войска ген. Иванова-Ринова.

В июле 1919 года собрался 5-й Большой Войсковой Круг Енисейского Войска, который избрал Войсковым Атаманом ген. Попова, исследователя Монголии. Выбор этот оказался, однако, весьма неудачным, ибо в декабре месяце он передался на сторону большевиков.

В октябре началось в Сибири генеральное наступление большевиков, усилившихся за счет частей Красной Армии, подошедших из центральной России. Слабое численностью Енисейское Войско не в силах было отстоять свою территорию и поэтому было принуждено оставить родные земли и начать отход в Забайкалье под командой нового Войскового Атамана ген. Потанина, командира Усинского пешего казачьего полка.

В конечном итоге, енисейские казаки принуждены были покинуть и Забайкалье, перейдя оттуда на территорию Уссурийского Войска, а потом и в Китай, куда дошло их лишь немногим более 500.

Применительно к последнему, остается указать, что в 1918 году на Войсковом Круге Енисейского Войска разбирался проект переселения енисейских казаков в Уренхайский Край; в 1919 году разбирался вопрос об увеличении численности Войска принятием в ряды казаков инородческого народа хоккасов, проживавших по левому берегу р. Енисея.

— К настоящему времени, как в самом Китае, так и в полосе отчуждения Восточно-Китайской жел. дороги, находится всего лишь около 200 человек енисейских казаков, ведущих свое прямое начало по праву первородства от славных потомков казаков, завоевателей Сибири и сподвижников Атамана Ермака.

4. Красноярское Войско.

Как известно, до момента свершения революции в 1917 году, всего существовало одиннадцать казачьих Войск, именно: Донское, Кубанское, Терское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское, Уссурийское, Астраханское, Семиреченское, Амурское. В момент революции „самопроизвольно" возникло, вернее вновь возродилось Енисейское Войско, уничтоженное в 1871 году, которое и оказалось двенадцатым по счету.

На первом Всероссийском с'езде Казачьих Войск, состоявшемся в г. Петрограде в марте 1917 года, было представлено однако тринадцать Казачьих Войск.

Этим тринадцатым Казачьим Войском оказалось Красноярское Войско, выславшее своим делегатом казака ст. Красноярской И. Л. Лукина.

История Красноярского Войска весьма кратка; из Енисейского Войска, образовавшегося революционным путем, выделилось таким же революционным путем и Красноярское Войско, которое и прекратило свое существование вскоре после 1-го Всероссийского с'езда Казачьих Войск.

Казаки ст. Красноярской вообще отличались своим свободным образом мышления. Уже в 1695 году они подняли бунт, продолжавшийся три года, во время коего ими был утоплен воевода Дурново за взяточничество. В 1905 г. в г. Красноярске была образована отдельная свободная „республика", для завоевания коей посылалась специальная военная экспедиция ген. бар. Меллер-Закомельского.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Как первый период жизни молодого казака делится на две части: „дитина" и „хлопьятко", так и второй распедается тоже на две части: „хлопчик" и „хлопець". „Дитина" существо еще неразумное, живет только инстинктом, набирается опыта только случайными впечатлениями, которые сейчас же и забываются и только повторные остаются в памяти (без понимания их значения), если они не причиняют ему никаких физических ощущений. Только по миновении младенчества, появляются рассудочные способности и с началом способности ходить замечаются способности к самодеятельности, преимущественно подражательной.

„Дитина" еще не соображает ни своих сил, ни своих способностей к тому, что оно хочет сделать, а потому требует тщательного присмотра. „Военная подготовка" этого времени заключается в знакомстве с внешним видом предметов, которые его забавляют — с оружием, особенно если оно блестит, и с лошадью, но, если она заржет „дитина" испугается.

„Хлопьятко" уже ходит, хотя и не совсем твердо держится на ногах; запоминает слова; начинает понимать, что можно и что нельзя; одним словом, в нем уже заметно пробуждается рассудочная способность и наклонность к самодеятельности, хотя еще преобладает способность подражательная, которую он старается осуществить без руководства старших. Начинает проявляться воображение, которое „хлопьятко" принимает за действительность и верит в него.

„Военная подготовка" этого времени заключается в более близком знакомстве с оружием, которое все еще забавляет, но розбуждает уже и некоторое любопытство. „Хлопьятко" с интересом смотрит, как отец

ломает ружье, потом опять сделает его, оно щелкнет и получится искра. „Хлопьятко“ думает, что оно для этого только и служит. Потом оно узнает и более страшное (сначала) для него явление — выстрел, который его пугает, но с которым оно осваивается и, в конце концов, производит его и само с помощью отца. Еще больше оно знакомится с лошадью, которой уже перестает бояться и на которой уже пробует ездить, когда его посадят на нее. Оно настолько полюбило ее, что заводит свою собственную — лозинку, ездит на ней, веря, что это действительно живое существо и говорит с ней то же, что и отец говорит своей лошади, и так же ухаживает за ней.

С этой подготовкой будущий казак вступает во второй период своей жизни, период наибольшего накопления способностей, как физических, так и интеллектуальных. В первую половину этого возраста „хлопчик“ уже не только ходит уверенно, но и бегает, скачет, перескакивает через небольшие предметы, пробует вскарабкаться на очень высокие предметы, у него является речь, понимает почти все из обыкновенного разговора, исполняет не сложные поручения, поднимает небольшую тяжесть, интересуется разными предметами не только потому, что получает внешнее впечатление от них, но более сознательно стараясь понять, для чего они служат и как с ними обращаться. Он еще не успел овладеть всеми способностями действий, присущими человеку, но творческие способности в нем уже нарождаются; подражательная способность приобретает уже некоторую осмысленность, хотя воображение все таки играет большую роль и так же он верит, как и раньше, в его действительность. Он уже не думает, что его отец ломает ружье и делает опять, чтобы щелкнуть и получить искру, но уже знает, что из него получается более страшный и громкий звук — оно стреляет, хотя самостоятельно, без помощи отца, он выстрела сделать не может. Когда отец чистит ружье и разбирает его на части, хлопчик внимательно следит за ним и исполняет его приказания — принести тот или иной материал для чистки. Из рассказов отца он узнает, что из ружья можно убить не только птицу или зверя, но и человека.

С лошадью он уже достаточно ознакомился и смело подходит к ней, принимая конечно предосторожности, чтобы ее не обеспокоить или не подвергнуться удару от нее. Взобраться на нее он, конечно, не может, но, посаженный на нее, он сидит смело, уже почти инстинктивно соблюдая равновесие, чтобы не свалиться. Знакомится с назначением повода и бросает привычку держаться за гриву. Посаженный на лошадь, он едет самостоятельно, стараясь понукать ее голосом и барабаня по бокам ногами или бьет концами поводов. Зато на своей собственной лошади-хворостине он уже настоящий наездник на всех аллюрах, выделывая на ней всякие курбеты, укрощая ее строптивость; выездив, веревочкой привяжет, уже окончательно усвоив назначение поводов. Вместе с тем он знакомится и с другим предметом, мало обращавшим его внимание в прошлом, так как он находился на лавке под висевшим оружием, всегда прикрытый. Хлопчик узнает назначение седла, с завистью смотрит на пользующихся им, но сам пробует сидеть на нем только при помощи отца и держась обеими руками за переднюю луку. С течением времени он привыкает к нему, но, не имея точки опоры для ног, держится только, соблюдая равновесие. Отец еще боится выпускать лошадь из своих рук и водит ее под уздцы. Такие уроки езды, конечно, бывают редки — в случаях, когда отцу приходится куда либо уезжать верхом и он, заседлав лошадь, пожелает доставить сыну удовольствие, сделав несколько кругов по двору.

Хлопчик всеми силами старается принять участие в играх старших отроков, „хлопцев“, но ему это редко удается, — за отсутствием ловкости и понимания дела его избегают и ему остается только наблюдать и подражать им отдельно от них.

Из рассказов отца, возвратившегося из очередного пребывания на кордоне, он узнает, что есть на свете существа злые, которые режут и убивают людей, могут убить его, матку и даже отца и что отец ездил их бить, чтобы они не делали зла, но, что это за существа, он еще не может себе представить. То они ему представляются зверями в роде волков, то какими-то сверхестественными существами в роде какого-то змея и т. д. Зовут их черкесами и вот тата их побил. Значит тата всемогущий и больше его нет никого на свете, он все может, потому-то со всякой жалобой на кого бы то ни было он обращается к нему.

Во второй половине отроческого возраста „хлопчик“ уже — настоящий „хлопець“. Это — уже вполне сформировавшийся человек. Как физические силы, так и интеллектуальные силы в нем функционируют вполне нормально, насколько это доступно его общему развитию и состоянию организма. Рассудочная способность развита достаточно, подражательная переходит в собственное творчество, самодеятельность устанавливается, любознательность осмысленная—все ему хочется знать зачем, почему. Часто добивается он этого собственным размышлением, легко воспринимая все виденное и слышанное, запоминает и, что возможно, старается осуществить на деле, восполняя, впрочем, пробелы воображением. Наибольшее значение в этот период имеют различные игры, которые часто изобретает хлопець сам и комбинирует их согласно обстановке, стараясь осуществить на деле то, что и как он понял в слышанном от старших или виденном им в действиях взрослых. Смысл его воображения лежит уже в пределах возможного. Это самый интенсивный период в общем развитии кругозора будущего человека и самый важный в выработке его характера и интеллекта. Любопытство, любознательность и творчество приобретают преимущественное значение в этом периоде.

Было в обыкновении, в праздничные дни, когда собирается станичный сбор, молодежь устраивает на церковной площади скачки, джигитовку. Хлопцы уже непрестанно тут и внимательно, до самозабвения следят за происходящим. Они подмечают не только приемы наездников но и привычки, норов и выездку лошади, от их внимания не ускользает все и все это они, в свободное время, стараются претворить, осуществить на деле, дополняя воображением то, что для них пока неосуществимо. Их уже не удовлетворяет хворостина, изображающая коня. Им нужно побороть чью-то чужую волю, показать свою силу и власть над живым существом и хлопець взнуздывает своего товарища, который не всегда покоряется ему, или старается показать, что противится требованию другого в пределах, как это делает лошадь. Взяв кусок веревки, накидывает ее на шею товарища концами наперед, которые пропускет под мышками назад и конь готов, взнуздан и оседлан. Взяв в руки концы веревки и вооружившись палкой, он мчится по улице уже настоящим наездником, его лошадь, подражая настоящей, иногда противится требованиям наездника, который, заставляя повиноваться, награждает его ударами палки, смотря по темпераменту наездника, иногда и довольно чувствительно, отчего конь или смиряется или, подымая рев, сбрасывает с себя сбрую, заставляя всадника искать себе другую лошадь, более терпеливую. Постепенно кучка всадников растет, появляются и хлопчики на своих хворостинках, которые стараются подражать старшим.

То там, то здесь в станице, где найдется более или менее свободное место, а то и просто на улице можно встретить кучку этого народа и это хуже, чем встретить толпу взрослых людей. Там все таки можно свободно проехать по улице, здесь же какой либо десяток подымает такое столпотворение, что лошадь заторопится и потребуется не один окрик, чтобы проехать через этот кавардак. Публика эта до такой степени увлечена своим делом, что ничего не видит и не слышит, что происходит вокруг нее. Один гарцует на своей хворостине, другой никак не управится с своей заартачившейся лошадью и лупит ее палочкой, при чем на этот раз последняя в его воображении изображает плеть, а лошадь в виде протеста ревет благим матом; третий мчится прямо под ноги проезщающим и никак не может удержать свою, не во время взбесившуюся, лошадь. Все это сопровождается криком, гамом, все кричат один другому, слушателей нет. При этом от всей этой возни и кутерьмы подымается облаком пыль, слепящая глаза. И вот среди этого шума и гама вдруг из за какого либо плетня или забора раздается зычный женский голос:

— Юрась!.. Юрасько!

Юрась, в это время поглощенный усмирением своего скакуна, не сразу слышит роковой для него призыв. Но, услышав его, бросает своего скакуна, минуту стоит задумавшись, как бы что-то вспоминая и потом, опустив голову, робко идет на призыв, исподлобья, с опасением поглядывая на призывающую мать. Если у нее в руках нет ничего, он подходит и выслушивает довольно энергичное внушение от матери за неисполненное и брошенное им поручение, так как в этом возрасте хлопцу дают кое какую работу и по хозяйственной части. Но, через некоторое время он ухитряется опять появляться среди товарищей и забыть о прошлом. Неизвестно, окончил ли он свое дело или удрал тайком, как и раньше.

Если же увидит в руках матери веник или каталку, или даже батіг (кнут), то шмыгнет куда либо подальше и затеряется среди товарищей или просто спрячется на время.

Но вот среди этого хаоса начинает замечаться некоторый порядок. Случайно или намеренно заранее заготовленная рваная брошенная шапка появляется среди гарцующих всадников и постепенно на ней сосредотачивается их внимание. Начинается джигитовка. Сначала бросаются на нее ближайшие, стараясь на бегу схватить и высоко подбросить вверх. Скоро восстанавливается порядок. Кто-либо из более взрослых „хлопцев“ собирает около себя кучку джигитов и устраивает очередь, начиная первым это упражнение. Хлопчики на своих хворостинах, пользуясь перерывом, мчатся гурьбой, опережая друг друга, к этой шапке, путаясь между „очередными“, но их скоро выдворяют, так как они мешают хлопцам, останавливая или задерживая их, что не полагается, так как задача заключается именно в том, чтобы схватить шапку на бегу, не останавливаясь.

После нескольких неудачных попыток „хлопчиков“ присоединиться к старшим, они организовывают свою собственную компанию особо, или же просто начинают скачку на своих хворостинах, стараясь поднять на скаку всякий предмет, попадающийся на глаза: кусок земли, камешек и пр., во всем подражая, конечно, старшим.

В старшем же возрасте, у „хлопцев“ игры постепенно осложняются. Наряду с шапкой откуда-то является стебель камыша воткнутый в землю и моментально плеть превращается в шашку и начинается рубка, при чем особенный восторг возбуждается, когда от удара камыш переломится. Притащат куски дерна или кизяка, сложат их один на другой и начинаются уколы при чем иногда шашка превращается в пику, у более предприимчивых есть и особая пика в виде хворостины более длинной, которую он до поры до времени держит за плечами на веревке. Общий смех бывает, если всадник разбивает кучу, а еще хуже, если он, воткнув пику в кучу, не успеет вытянуть ее и выпустит ее из рук или поломает. Все это происходит в разных местах, без всякого порядка, сопровождается шумом и гамом. Каждый наездник мчится на тот предмет, который ему нравится или раньше попадается под руку. При этом сутолока неописуемая. Часто споры и столкновения доводят до схватки, пока не удастся кому либо из участников водворить порядок. Обыкновенно такую обязанность принимает на себя более сильный физически, которого опасно не слушать. В конце концов дело улаживается так, как это делается на площади для скачек старших казаков, уже на настоящих лошадях. Все эти фигуры располагаются одна за другой и заканчиваются барьером, т. е. хворостиной, концы которой держат „хлопчики“.

Эти детские игры, такие сумбурные и хаотические на вид, имели громадное значение в деле подготовки будущих наездников-джигитов. Как ни парадоксально покажется на первый взгляд утверждение о том, что именно в них, в этих детских играх заключается успех будущего наездничества, но при серьезном взгляде приходится с этим согласиться. Именно в этих играх вырабатываются приемы тех требований от наездника, которые так необходимы для джигитов. Без всяких правил и выучки, без всяких указаний, почти бессознательно, практически, мальчик почти инстинктивно усвоит эти приемы. Скачет, например, на своей взнузданной веревкой хворостине, такой наездник на барьер в виде той же хворостины, которую за концы держут его сверстники, боясь выпустить коня из рук, он крепче затягивает повод и, прижав ногами хвост хворостины, делает прыжок через барьер и вырывает из рук держащих самый барьер, чем вызывает неудовольствие и протест со стороны держащих барьер. Повторив это несколько раз, он либо сам догадывается, либо по совету сверстников начинает ослаблять повод перед прыжком, подбирая его потом, чтобы не потерять коня совсем. Взнуздав товарища, впоследствии он уже по привычке ослабляет перед барьером повод, чтобы дать возможность сделать свободный прыжок. Потом он удостоверяется и на живой лошади, что этот прием необходим и на самом деле для успешного преодоления препятствий и перестает держаться за повод. Это самый трудный и самый сложный прием входит в сознание мальчика почти с детского возраста и легко выполняется джигитом впоследствии.

Кроме того в этих же играх мальчик учится и верности руки. Если на хворостине он еще не может перебить палочкой камыша, то старается попасть по нем, следовательно вся забота его не сделать промаха; но, когда он взнуздает товарища, то заботится уже и о силе удара. Так же и при уколах: первое время на хворостине, его задача — избежать промаха, затем в старшем, навык короткого, но сильного укола. Здесь же приобретается навык в исполнении приемов наездничества, согласно с индивидуальными особенностями организма и степени развития его. Иной при поднимании предметов с земли привыкает брать их по линии направления, другой — сверху; первый должен наклониться раньше, второй в момент, когда сравняется с предметом, и схватывает его сверху, что называется „орлом“; последний прием требует большой ловкости и проворства.

Параллельно с этим идет и более близкое знакомство с особенностями некоторых лошадей, с их норовом. Замечая во время скачек старших, что некоторые лошади не идут на барьер, обходят его, или оттягивают при поднятии предмета, или боятся фигур, изображающий собою лошадь мальчик старается повторить все это, а наездник для приучения ее употребляет те же приемы, которые он видел на площади у старших, до плети включительно. При этом бить палочкой слишком сильно он все таки опасается так как знает, что его лошадь может отплатить ему тем же, когда настанет очередь быть ей всадником, а ему — лошадью.

Заключительным аккордом всех этих игр является игра в казаков и черкесов. Наслышавшись из рассказов взрослых о их службе на кордоне и запомнив какой либо случай, наиболее заинтересовавший их, мальчики стараются, насколько, конечно, доступно их пониманию, повторить его на деле. Но, при делении на партии — черкесы и казаки — никому не хочется быть черкесом и тогда мерятся на палки, условившись, что чей обхват ее будет верхний, тот казак, а нижний — черкес, чтобы избежать всякого подозрения, палку один подбрасывает, а другой ловит на лету и потом уже начинают перехватывать поочередно. Описать эту сложную игру довольно трудно, так как все зависит от рассказанного эпизода, от степени понимания слушателей и, главное, от воображения исполнителей. В общем все сводится к тому что черкесы прячутся, а казаки их разыскивают и берут в плен, или наоборот; или же прячутся те и другие и через некоторое время производятся с обоих сторон розыски. Зимою к этому прибавляется еще и перестрелка снежками. Тут уже представляется больший простор для развития хитрости, сметливости, применения к местности, оценки местных предметов с чисто военной точки зрения и способы пользования ими; одним словом всего, что впоследствии характеризуется „казачьей сметкой“.

Как не увлекательны эти игры и как не весело участвовать в них, к концу отроческого возраста мальчик постепенно отходит от них и все реже и реже, только урывками, принимает в них участие, являясь уже больше в качестве руководителя или „инструктора“, которого слушают все. Причина этому та, что в этом возрасте „хлопец“ становится уже желательным членом семьи, служа на посылках или исполняя мелкие

поручения по хозяйству, да и сам он начинает чувствовать себя, как бы оторвавшимся от своих более молодых сверстников — он уже перерос их. Его уже не удовлетворяет скачка на взнузданном товарище, когда он может так же смело скакать на живой лошади, правда без седла еще, охлюпки, как называется такой способ езды, но зато на живой, настоящей лошади. Пройдет немного времени и он поедет и поскачет и на седле, пропустив ноги в путлища стремян, которых ступни он еще достать не может, отец уже охотно пользуется его помощью при уходе за лошадью, поручая ему привести ее, пока он достанет воды из колодца, принести сена в ясли, даже больше того — сводить к речке лошадь на купанье или на выгон на пастбище, спутать или стреножить и, в свое время, привести обратно. Все эти премудрости он постепенно изучит и знает, что и как нужно делать. При этом не пропускает случая забраться на коня верхом, проехать или проскакать необходимое пространство, одним словом, он уже много знает из того, о чем его младшие сверстники только мечтают. Конь, живой конь, настоящий, делается его мечтой и иногда лаской или строгостью он старается ему показать свою власть и превосходство над ним.

В то же время у него имеется и другая забота. Из постоянного наблюдения мальчик знает, какие предметы и материалы нужны при чистке ружья и на его обязанности лежит забота о их хранении и заготовке. Все это он бережно и тщательно хранит, чтобы, когда потребует отец, все было исправно и в готовности, а при самой чистке он уже интересуется, как это нужно делать, и для чего служат части ружья, разобранные отцом. Не стесняется задавать и вопросы отцу, когда чего либо не понимает.

(*Продолжение следует*).

Санжа Балыков.

Восточные соседи Казачества.

Киргиз-казаки.

б). *Данные географические.*

Территория киргиз-казацкого народа по описанию Левшина (1830-е годы) с севера на юг тянется от 55° сев. широты до 42°, а с запада на восток от 68°, до 102°, долготы. Таким образом, Киргиз-Казацкой территорией является громадное пространство, заключенное между Уралом и Иртышем — с запада на восток и между городом Омском и Ташкентом — с севера на юг. Восточная граница тянулась по Каспийскому морю и Уралу, на востоке граничили с Китаем, на северной границе сталкивались с русскими, а на юге с Туркестаном.

По определению Семенова-Тян-Шаньского, пространство это уже меньше, а именно: южная граница проведена по реке Чу и линией пересекающей северную часть Аральского моря и упирающейся в залив Цесаревича — Каспийского моря. Восточная граница переходит за Урал и идет по реке Узени, а линии северной и восточной границы остаются без изменений, хотя значительная часть севера территории уже заняты к этому времени русскими переселенцами и фактически не составляет владения киргиз-казаков. Все же территория киргиз-казаков и по этому определению равна территории четырех таких государств, как Франция, Германия, Италия и Испания вместе взятые. По современному определению площадь Казакской АССР (Казакстана) уже на много меньше, вследствие почти искусственного деления единого географического и этнографического комплекса на ряд республик и автономных областей. По определению И. Слонима, площадь Казакстана равняется 2,960,000 кв. клм., а по определению Соколова и Уварова 2,129,587 кв. клм.

Большая часть поверхности Киргиз-казацкой земли возвышена. На востоке, в районе городов Семипалатинска, Устькаменогорска и Каркалинска, озера Зайсана и Балхаша, возвышенность переходит в горы от 800 до 2000 саж. над уровнем моря. Наиболее известны — горы Южного Алтая, горные хребты Саурский, Тарабагатайский и Нарымский. В западной, степной полосе известны горы Мугоджарские и юго-восточные отроги Уральских гор. Возвышенная равнина, выше уровня моря от 80 до 200 саж. занимает район Кокчетава, Атбасара, Акмолинска, заключая в себе Голодную степь; такая же равнина тянется вдоль северовосточных берегов Аральского моря, которая известна под именем Усть-Урта и по заключению ученых представляет из себя не что иное, как бывший остров, в те древние времена, когда вся почти территория Казакстана была морем, из которого остались Каспийское и Аральское моря, да множество соленых озер, в большинстве случаев высыхающих. Как поверхность так и состав почвы Киргиз-казацких земель, будто-бы, убедительно подтверждают эту гипотезу ученых.

Лишь по бассейнам рек Иртыша, приблизительно от Баян Аула на север до Омска, дальше на запад, пересекая северную часть р. Ишима, по бассейну Тобола тянется неширокой полосой низменность.

Почва земли Киргиз-казацкой на преобладающем пространстве состоит из так называемой „каштановой" и светлобурой степной земли. Если разделить всю территорию на три полосы линиями, тянущимися с запада на восток, то пространство с такой почвой занимало бы среднюю, самую широкую полосу, тянущуюся от востока до западных границ. Почва эта, хотя и скупо, но плодородна. Орошением и искусственным удобрением плодоносность можно увеличить. Северная, самая узкая полоса, начинающаяся с берегов Илека, то расширяясь, то суживаясь, доходящая до Омска, черноземна и высоко плодородна, изобилует богатыми пастбищами. Кроме этой полосы черноземные участки, там и сям разбросанными клочками встречаются в горных долинах крайнего востока края. Вся южная полоса, вторая по ширине, простирающаяся между устьем Эмбы и Аральским морем, включая Кара-Кум и всю Голодную степь состоит из бесплодной пустынной почвы, дающей питание только немногим, специально приспособленным видам растительности.

Растительный мир Киргиз-казацкого края не разнообразен. В общем же в стране преобладает область степной, ковыльной и бедной, пустынной, полынной растительности. Область пышной, Альпийской растительности очень незначительна; она исчерпывается двумя, сравнительно небольшими площадями севернее и южнее озера Зайсана. Леса саксаула, заросли баялыча разбросаны во многих местах южной, песчаной, пустынной части; здесь же, по берегам рек, как напр. Чу, озер Балхаша, Чолкара, Каспийского и Аральского морей — непроходимые чащи высоких камышевых зарослей. Хвойные леса встречаются в восточной части края вокруг Кокчетава и Атбасара. Ко всему этому нужно добавить скудную растительность, годную только в корм верблюду, на солончаковых площадях, каковых по Киргиз-казацкой территории раскидано не мало. В общем же, несмотря на кажущуюся бедность, растительность Киргиз-казацкой земли все же достаточна, чтобы удовлетворять нужды своего края.

Животный мир Киргиз-казацкого края довольно разнообразен. Исключая всех видов домашних животных, здесь водятся горные бараны, антилопы, степные козы, дикие ослы в области озера Балхаша, во множестве и всюду волки, в массе лисицы, зайцы и всякие другие грызуны. В зарослях камышей водятся дикие кабаны и даже тигры. Многочисленны также и разновидности земноводных. В песках попадаются громадные ящерицы и особые, песочные змеи. С началом весны прилетает бесчисленное множество птиц, которых с началом лета, когда степь выжигается солнцем, становится меньше и только по рекам и озерам во множестве остаются дикие утки, да по степям дрофы и жаворонки.

Каргиз-казацкая земля, несмотря на кажущуюся на первый взгляд неприглядность, несмотря на наличие

устрашающих песков, которые, кстати сказать, все же, при наличии орошения и будучи остановленными на месте, не совсем бесплодны, издавна известна разнообразием и обилием ископаемых богатств, что в наше время и составляет одно из верных обеспечений государственного благосостояния. В крае добывается золото (Колбинские, Нарымские и Курчумские хребты и по многим рекам), серебро, медь, железо, свинец. С недавних пор обнаружилось и наличие довольно мощных источников нефти по рекам Эмбе, Уиле и Сагизе и залежи каменного угля, которое уже эксплуатируется.

Кроме всего указанного, край богат марганцем, всякими цветными камнями, известняком и особой прекрасной белой глиной, годной на выделку фарфора, песчаником, из которого делаются точила, графитом, годным для огнеупорных построек, постройки кирпичных и черепичных заводов возможны почти повсеместно. Надо указать еще на одно исключительное богатство края — на ископаемую, прекрасную каменную соль, не уступающей по качеству и превосходящую по размерам Величковские копи и это — помимо многих соляных озер дающих неиссякаемое количество соли. Совершенно неиспользованными лежат еще богатые целебные грязи соляных озер, которые при здоровом климате Киргизского края, при рациональной постановке эксплуатации могут явиться источником богатейших доходов страны. Местные жители давно с успехом пользуются этими грязями в борьбе с болезнями. Наиболее замечательными по целебности надо считать озера Индерское, Кызыль-Как, Муялды, Колкаманское, Арсаланское, Кичене-Туз и др.

Водный бассейн Киргизского края, сравнительно с величиной территории, не обширен. Он состоит из северо-восточной части Каспийского моря, части Аральского, множества мелких, в большинстве соляных озер, да нескольких, незначительных маловодных рек, многие из которых за лето высыхают. Наиболее богата из рек юга Сыр-Дарья, в значительной своей части протекающая по Киргиз-казацкой территории. Из озер заслуживают внимания Балхаш, Зайсан на востоке и юго-востоке, Чаны в Барабинской степи (по Левшину-Денгиз) и севернее Аральского моря — Чалкар. Почти все реки и озера кроме Иртыша не судоходны, но богаты всякой рыбой. В общем большая часть Киргиз-казацкого края (середина и юг) страдает от маловодья, только запад и север и крайний восток достаточно орошены водой. В последние годы через Голодную степь прорыт оросительный канал, могущий иметь большое значение в экономической жизни края.

По климату, если строго разбираться, Киргиз-казацкий край делится на четыре пояса: два с севера на юг, и два с запада на восток, но в общем климат явно континентальный. Жаркое лето, холодная зима, жаркий день и прохладная ночь, недостаток осадков, сухие ветры при значительных открытых песчаных пространствах — вот климат края. Хороша Киргиз-казацкая природа только весною и осенью, когда лучи солнца не так пекут, а обильные дожди вызывают к жизни растительный мир, когда люди и животные сыты, оживлены теплом и радостью. Нудна и скучна здесь природа зимой, когда по безбрежной голой степи гуляет холодный ветер, сопровождаемый часто грандиозными снежными буранами, бушующими целые недели, когда кочевья киргиз-казаков забиваются в затишки камышевых зарослей, загнав туда и свои стада. Не менее уныла степь и летом, когда выженная солнцем степь кажется вымершей, когда песочные бураны не менее грозны, чем снежные.

(Продолжение следует).

Ф. Крюков.

Первые выборы*).

С лета 1905-го года я, за одно литературное прегрешение, был переведен распоряжением попечителя Московского округа из Орловской гимназии в учителя Новгородского реального училища. Здесь в начале марта 1906 года я получил казенный пакет с печатью Глазуновского станичного правления. Сообщалось, что глазуновский станичный сбор, во исполнение высочайше утвержденного положения о выборах в Государственную Думу, выбрал меня уполномоченным в окружное избирательное собрание по Усть-Медведицкому округу области Войска Донского.

Пошел я с этой бумагой к директору: нужен был отпуск и — для поездки из Нижнего на Дон — не малый. Правда, занятия в учебных заведениях шли тогда с большими паузами, — учащиеся бастовали по всякому удобному и неудобному случаю. А все таки нам, учителям, приходилось стоять на своем посту неотлучно.

Директор долго читал и перечитывал уведомление станичного атамана. Сразу было видно, что в практике старого педагога подходящих прецедентов не было, и он затруднялся определить линию своего отношения к вопросу.

— Гм... да... конечно, исполнение гражданских обязанностей... — хмуро бормотал он: — Я препятствовать не вправе... С другой стороны — отдаленность территории, так сказать, неопределенность срока... Как вы думаете, Александр Васильевич?

Делопроизводитель, в вопросах о законности и незаконности ориентировавшийся быстрее, чем все педагоги вместе взятые, поправил галстук, кашлянул, помолчал. Потом сказал коротко и внушительно:

— Причина законная.

— В таком случае — напишите... вздохнул директор: — что делать! Раз заварили кашу, будем расхлебывать...

Я получил отпуск на месяц.

Не без труда добрался до родного своего угла — Глазуновской станицы: по весенним грязям, через игравшие степные балки и ерики пятьдесят верст от станции железной дороги ехал два дня. Однако, до выборов в окружном избирательном собрании времени было еще довольно, — кажется, дня четыре оставалось.

За эти дни у меня в гостях перебывали все цензовые выборщики, станичные обыватели, плативщие земские сборы: лавочники, владельцы ветряных мельниц, кирпичных заводов, называемых у нас просто сараями, кожевник, овчинник. Приходили за советом: нельзя ли как уклониться от исполнения высокого гражданского долга? Очень уж труден путь до окружной станицы: через две реки переправляться надо, а переправы у нас — не дай Господи. К тому же и время рабочее, каждый час дорог.

— Ну, как она будет, эта Государственная Дума? — отдаленно, дипломатическим путем, начинал каждый посетитель.

По началу я принимал этот вопрос за искренний интерес к новому государственному строю и очень усердно просвещал иного собеседника касательно су-

*) От ред. Двадцать пять лет тому назад, в начале 1906 г. казаки, впервые в истории, приняли участие в политической жизни России — послали своих депутатов в русскую Государственную Думу. Ничего не дала Дума Казачеству (это может быть хорошим уроком для будущего сторонникам „единой и неделимой"). Одним из донских депутатов в первой Думе был и Ф. Д. Крюков, краткие воспоминания о котором Д. И. Воротынского были помещены в предыдущем номере нашего журнала. Чтобы отметить этот „юбилей", а также и для того, чтобы отметить и годовщину смерти казачьего писателя, мы и помещаем здесь отрывки из Крюковских „Первых выборов", напечатанных в „Русских Записках" за 1916 год. Читатели-казаки найдут уже в них мотивы его будущего, бессмертного „Родимого Края".

щности конституции. Он слушал с непроницаемым видом, вздыхал, говорил, говорил иногда:

— Дай, Господи... Пошли, Господи... Дело не плохое, как видать...

Потом осторожно закидывал вопрос:

— Ну, а ехать то как? надо, стало быть?

Я, разумеется, менее всего был склонен поощрять абсентеизм и отвечал твердо:

— Надо!

— А ежели не поехать?

— Не хорошо. Гражданский долг...

— Так таки на шесть месяцев и присундучат?

— Почему? то есть... за что?

— А вот... тут сказано..

В повестке, которую совал мне в руки обладатель новых гражданских прав, точно, был указан на оборотной стороне размер кары за незаконное присвоение избирательных прав...

Овчинник Василий Митрич, почтенный, богомольный, правильный старик с библейской бородой, смирный, очень боявшийся всяких начальств и учреждений, вздыхая, говорил:

— Я в ногах у атамана елозил, просил: ослобоните, ваше благородие! — „не могу, говорит: — там для тебя во дворце царском кресло приготовлено, сто рублей не зря заплочены"... Вроде смеху это ему...

Мой сотоварищ по выборной курии, о. Иван, жизнерадостный иерей, присутствовавший при нашей беседе, тоже прыснул. Смех хлынул из него неудержимым фонтаном, засвистел, зашипел, забурлил и заполнил всю маленькую горенку, где мы сидели.

— Ух-ху-ху-ху-ху... у-ух-ху-ху-ху-ху... стонал батюшка, мотая черной гривастой головой. Отдохнул слегка и, сквозь слезы глядя на унылую фигуру старого овчинника, он с трудом выговорил:

— Да-а, братище... Василий Митрич... это тебе, друг, не овчинные квасы... Ух-ху-ху-ху-ху... А что ж ты думаешь? Очень просто... сядешь и в кресло...

— Сиденье-то у меня грубо для этого кресла, батюшка, смиренно возражал овчинник.

Накануне дня окружных выборов выехали мы с о. Иваном в нашу окружную станицу — Усть-Медведицкую. Ехать предстояло всего 27 верст, но пугали две переправы через разлившиеся реки — Медведицу и Дон, — потому выехали раненько, на рассвете. Нас, станичных уполномоченных, вез по наряду станичный почтарь. Цензовые выборщики, доставлявшиеся на собственное иждивение, предпочли апостольский способ путешествия, выступили пешком, — и так как дорога, поврежденная половодьем, не давала возможности быстро ехать, то к переправе через Медведицу мы все прибыли одновременно.

Водой плыли версты две. На другом берегу нас с о. Иваном должна была, по словам почтаря, ожидать подстава, т. е. обывательская подвода с хутора Зимняцкого. Но подставы не было. О. Иван пощелкал языком и сказал:

— Какое невнимание! Дело, сами знают, не маленькое, а вот извольте радоваться...

Цензовые избиратели вскинули за спины свои сумочки и пошли дальше. Мы поручили им поторопить подводу с Зимняка и сели в затишке, на завалинке, у старенькой хатки, в которой жила старуха мельничиха. Когда-то была на этом месте мельница, около которой кормилась куча людей, шумно кипела жизнь, был целый поселок. Но река изменила русло, ушла на полверсты в сторону, и мельница замолкла. Расползлись в разные стороны люди, кормившиеся возле нее, перетащили с собой свои постройки, — лишь старенькая хатка осталась около запущенных левад и садов. И в ней доживала свой одинокий век крупная, говорившая басом, кривая старуха, кругом обмершая.

С завалинки видна была река, теперь широкая, даже величественная, с крупной светло-коричневой зыбью и белыми курчавыми гребнями от ветра. Летом она сильно осыхает, заростает зеленью, мелеет, оставляя широкие бело-снежные песчаные косы. Теперь — как море. На другой стороне, чуть видной на крепком берегу, лиловеет мелкий, голый дубнячок. За ним, вдали, синим валом поднимается отлогая гора, а над ней белеет станичная церковка. Под необ'ятным шатром серого неба и лесок, и гора, и церковка — серы, лишены ярких красок, кажутся маленькими, почти игрушечными. И как будто озябли, с'ежились от студеного ветра.

Я любил Россию — всю, в целом, великую, несуразную, богатую противоречиями, непостижимую. „Могучую и бессильную"... Я болел ее болью, радовался ее редкими радостями, гордился гордостью, горел ее жгучим стыдом... Но самые заветные, самые цепкие и прочные нити моего сердца были прикреплены к этому вот серому уголку, к краю где я родился и вырос. Я так был горд его прошлым, которое мне представлялось в романтическом освещении, вольнолюбивым и героическим, немножко идеализируя серое зипунное рыцарство старины, отгулявшее в истории шумный и головокружительный праздник, безалаберную, удалую вольницу и голытьбу. И горел я стыдом за настоящее, за ту роль, которая в годы тяжелой борьбы выпала на долю потомкам славных казаков, моим станичникам. Недоумевал и... бессильно сетовал... Я любил казака землероба, повинного долгой воинской работе. Я издали угадывал родную фигуру в фуражке блином, в заплатанных шароварах с лампасами, в чириках, и благодушно смеялось мое сердце при звуках простодушной речи казацкой, трепетно отзывалось на тягучий мотив старинной казацкой песни. Живя вдали от родного края, я знал и видел его прогрессирующее оскудение, отсталость и неизбежную обреченность в будущем хозяйственному порабощению пришельцев. Скорбел — бесплодно и бессильно. Тужил — маленький человек, „чужой", в штатском сюртуке, подозрительный для носящих лампасы...

В своих думах и мечтах я не смел гадать, что когда нибудь судьба придвинет меня ближе к родному краю, к непосредственной работе для блага ему. И вот как будто подошел такой момент. Что же я буду делать?

Как и все, я думал о созидательной работе будущего общими положениями и формулами: надо внести свет, раздвинуть стиснутую жизнь, вернуть ей старое хорошее — былую свободу самоопределения, — привнести лучшее от новизны и т. п. Я смутно представлял себе, как это выйдет конкретно, как сдвинется жизнь с привычной колеи, как нащупается путь к лучшему, — но я верил, что это не так трудно, что надо лишь сказать, и само собой станет всем ясно, и само собой легко будет сделано... И все то, что я видел перед собой, скудное и оголенное, не будет уже таким маленьким, серым, все расцветет, зашумит обилием жизни...

О. Иван прозяб и заскучал. Встал с завалинки, подумал и зашел в хатку. Мне слышно было, как он, не закрывая двери, от порога, вступил в переговоры с кривой старухой:

— Раба Божия! а-а, раба Божия!

— Тебе чего, батюшка? — пробасила старуха — видимо, с печки.

— А что, самоварчик у тебя есть? Взалкал я что то...

— Есть, батюшка, самовар, да сахару то не будет.

— Может, медок есть? Взалкал я что-то...

— Медок есть, да арбузный он... нардек...

— Ничего, вкусим и арбузного... брюхо — не зеркало, как говорится... Пирог есть?

Я встал с завалинки и пошел по берегу. Когда увидел, что к хатке под'ехал тарантас, запряженный тощей лошадкой, — вернулся. О. Иван не показывался, — вероятно, еще отдавался чревоугодию. Я постучал в окно:

— О. Иван, пора!

— О-о? А я вот чайку тут вздумал — было...

— Надо ехать. Опоздаем.

— Ну, зараз. Оно и самовар-то уж закипает, спешить-то некуда бы... ну, быть тому делу...

О. Иван показался, наконец, в дверях, горстью обирая усы и широкую смоляную бороду.

Поехали. На Зимняке опять пришлось ждать, пока перепрягали лошадей. А перепрягали потому, что у „хомутовых" казаков, подлежащих подводной повинности,

были какие то свои счеты и очереди. Заморенные работой лошади были худы и слабосильны, — стоял сев, боронили, — и наше путешествие, видимо, всем казалось досадно несвоевременным и ненужным.

Версты четыре, не больше, мы проехали рысцой. Потом пошли пески, пришлось перейти на шаг, а когда тощие лошаденки стали становиться, широко водя боками, и кучер слез с козел, пошел рядом с тарантасом, — слезли и мы с о. Иваном. Впереди нас и за нами тянулись подводы, и около каждой из них шло человек по пяти, по шести. По внешнему виду, это были станичные и хуторские лавочники и обыватели той категории, которая поставляла цензового избирателя в городские курии.

Похоже было, что это новые граждане тянулись в окружную станицу для исполнения гражданского долга, наняв в складчину по подводе человек на пять, на шесть, и следовали, может быть, из дальних поселений округа, этак из Даниловки или Островской станицы, верст за 140...

О. Иван, шагая по песку рядом со мной, говорил:

— О. настоятелю здорово таки захотелось в Государственную Думу, — не выгорело дело...

Насколько я знал обоих священников своей станицы, между ними не было разногласия ни в политических взглядах, ни в программах, ни в платформах. Оба были, прежде всего, начальствопослушны и в общественных вопросах садились только на ту чашку весов, которая несомненно перевешивала. Разница была лишь в том, что о. настоятель был с семинарским образованием, а о. Иван прошел лишь какие-то миссионерские курсы, был сперва дьячком, потом пробился „во диаконы“ и наконец увенчал карьеру иерейским саном. До духовного же поприща был вахмистром.

— Он, конечно, гордится ученостью — продолжал о. Иван об о. настоятеле: — а старикам нашим нужна простота, высокоумие им не нужно, а ты будь простей. Пришел к человеку, — ежели он обедает, садись и ты, ешь все подряд: Калун? ешь калун! Кулага? вкушай кулагу! А не то, чтобы у тебя попадья на рояли играла, этого старички наши не уважают. Потому вот и выбрали в Государственную Думу меня, грешного, а не его...

— О. Иван, до Государственной Думы далеко еще, — возразил я.

— Да, я и не поеду в нее! — махнул он рукой: — мне лишь до Черкасска бы доехать, хочу проведать Василия и Кольку, как они там, не балуются ли, подлецы...

— Кого же будем выбирать? — спросил я, желая выяснить взгляд о. Ивана на предстоящую нам завтра гражданскую задачу.

Он помолчал, подумал.

— Кого угодно, лишь бы не социал-демократа.

Так и сказал: д е м о к р а н т а. Твердо и убежденно.

Приют мы нашли у моих дальних родственников, заботливо опекавших когда-то, в годы моего гимназического учения, мое буйное отрочество. Старым радушием и теплом повеяло от обоих старичков, от их маленьких комнаток со слепыми окошками. После двадцатилетней разлуки я нашел почти все неизменно стоявшим и лежавшим на старом месте.

После 20-летней разлуки, я увидел те же знакомые улицы и переулки, буераки и утлые мостики с провалившимися досками, по которым ходил восемь лет, в дни далекого отрочества и первые годы юности, гимназистом местной, теперь уже покойной гимназии. Похоже было на то, что уголок, милый моему сердцу по воспоминаниям о невозвратно прошедшей полосе гимназического познания добра и зла, в достаточной мере уберег себя от культуры и сохранил колорит первобытности почти в неповрежденном виде...

Вставал у меня вопрос: что докатилось сюда от пронесшегося шквала? Но ответа на него найти было не у кого, — старички, мои родственники, стояли в стороне от новых волнующих вопросов.

Чтобы узнать о предвыборном собрании, я направился в станичное правление. Станичный атаман, урядник Сенюткин, бравый артиллерист, сообщил, что предвыборное собрание казачьей курии назначено в восемь вечера в чайной об-ва трезвости.

— Вас мы поджидали, любезно прибавил он: вы, как писатель по казачьим вопросам, оборудуйте нам программу... чтобы для нас, казаков, было попонятней, казацкую, словом сказать...

Собеседование не сразу наладилось. Сенюткин, председательствовавший, был не из очень речистых. Открывая собрание, он коротко предложил:

— Ну, кому угодно, господа? Давайте посоветуемся: дело большое, новое дело... надо сообща обдумать...

Помолчали. Интеллигенты, видимо, ждали, что скажут казаки в чекменях. Чекмени поглядывали, выжидая, на интеллигентов. Чекмени, по развитию и пониманию, были людьми далеко не темными и не серыми. Не говоря об атаманах из учителей, и среди урядников едва-ли нашелся бы хоть один, не выписывавший газеты. Но, кажется, ни у кого не было привычки к публичным выступлениям, к речам. И у всех, пожалуй, была еще своеобразная выжидательная тактика житейского опыта: „хорошее слово серебро, молчание — золото...“

Взял слово уполномоченный Островской станицы Н. В. Ефремов, бывший окружной предводитель дворянства. Он об'явил себя разделяющим взгляды партии „монархистов-конституционалистов“ и начал излагать программу партии. Старался говорить толково и, может быть, слишком обстоятельно раз'яснял аудитории основы конституционного строя вообще и некоторые пункты своей партийной программы в частности. Чувствовалось, что оратор говорит не то, что могло бы вызвать интерес в данный момент и у той именно аудитории, которая молча разглядывала его из сумрака зала. Не то, что оживило бы и вызвало бы обмен мнений. Слышались кое-где протяжные зевки, со вздохом, с благочестивым присловием: „Господи Исусе Христе“...

После Н. В. Ефремова, за отсутствием желающих говорить, выступал я. Та часть моей речи, которая касалась наболевших вопросов и нужд казачества, оживила аудиторию. Чекмени приняли целиком предложенную мною казачью программу. Умеренных немножко смущала резкость критической части. Кое кто не то, чтобы возражал, а так себе — как-то кряхтел и виновато кашлял. Но были и крайние, которые язвили и заглушали умеренных.

Выборы прошли не без сюрпризов. Чекмени прежде всего отвергли предварительную подачу голосов.

— Чаво, там писать ишшо! бумагу переводить! рази мы не видим, кого выбирать? кати старого предводителя!.. — Николай Васильич, пожалуйте! Чего там?.. — Тут сразу видно, кого катить... — А то: записки... Тринадцать имен надо выписать да тринадцать фамилиев, а иному грамотею из нас это суток на двое хватит... Я скорей согласен две десятины спахать, чем писать две стороницы!..

Погалдели минут десять, по казацкому обычаю. Решили обойтись без подачи записок. Первым стали просить баллотироваться Ефремова. Просили дружно, все на голос, очень сердечно. Старый предводитель, человек безупречной репутации, много поработавший над расширением школьной сети в округе, не стал отказываться, — для общественного и государственного дела из всех нас это был наиболее подготовленный человек. Одно: одобренная накануне казачья программа ни в коем случае не могла рассчитывать на его сочувствие. Повидимому, чекменям это было ясно. Потому и результат баллотировки поразил меня неожиданностью: предводителю положили 11 белых и 22 черных.

В Новочеркасск мы, тринадцать выборщиков от станиц Усть-Медведицкого округа, приехали на Пасхальной неделе. Долго искали по городу пристанища. Все мало-мальски сносные гостинницы оказались занятыми: как раз в это время стояла в городе вернувшаяся из Манджурии дивизия. Остались одни клоповники. Мы остановили свой выбор на весьма демокра-

тическом отеле, носившем громкое название, сейчас точно не припомню какое, — кажется „Золотой Якорь".

Как то так вышло, что этот „Якорь" стал в ближайшие дни центром приюта всей подлинной выборной демократии — станичных и волостных выборщиков. Крестьянских выборщиков всех было, правда, немного, всего двенадцать. Но выборщиков от станиц было свыше 70. Гурьбами вваливались они сюда с сумами за спиной, черные, заветреные, загорелые, наполняли все запахом сапог, крепким потом, степной первобытностью, отдувались и спрашивали:

— Ну, как тут? иде? Казаки есть, ай нет?

— Сколько угодно.

— Ну, клади, станичники, сумки. Нечего нам и искать больше.

Вечером, иногда и днем, все мы уходили на собрания в народной читальне, где происходили горячие предвыборные бои между местными кадетами и правыми, тогда выступавшими под флагом „правового порядка".

Наш „Якорь" стоял в стороне от этих боев. Казачья группа, самая численная, была темной и тревожной загадкой для обоих борющихся сторон. Загадкой была она и для меня, несмотря на совместное житье под крышей „Якоря". Иногда, случайно, я слышал обмен мнений, но это было нечто, трудно поддающееся фурмулировке, беглое, отрывистое, хотя всегда с оттенком сочувствия к ораторам левой стороны. Порой тут обсуждались и оценивались возможные кандидаты на депутатское кресло, — главным образом, со стороны внешних данных.

— У Харламова голос дозволительный какой, — слышится в темноте корридора из груды улегшихся ночевать станичников: — скажет, аж как молотком придавит...

— А Елкин? — раздается новый голос: — тоже с придавом... ясно говорит.

Но это все было на поверхности. В глубине же сырой, медлительной, тяжелой на под'ем казацкой глыбы шла, я чувствовал, какая то работа серьезного соображения и взвешивания, мне не видимая. Я знал, что на счет партийных программ глыба довольно беззаботна. В борьбе партий лишь крестьяне улавливали то, что им было интересно и нужно, но казаки с чисто академическим интересом лишь, слушали, кто хлеще накладывает в загривок старому „прижиму", — в программах борющихся партий казачьим вопросам было отведено самое мизерное место (у правых все-таки больше, чем у кадетов). Однако, с заднего хода в „Якорь", главным образом в трактирную и биллиардную его область, забегали агитаторы с правыми листками, говорили о жидах и продавшихся им кадетах, сообщали, что Петровский — пьяница, Харламов — не отчелся в каких-то деньгах, а все остальные кадеты — просто жулики, которым лишь с красным флагом ходить, а не дело общественное делать.

Заходил не раз ко мне в номер благообразный старичок в серой тужурке и шароварах с лампасами — выборщик Хоперского округа, казак Морозов. Сперва все интересовался вопросами, произведут ли в урядники казаков, не имеющих галунов, за проезд на выборы?

— Вот князю Голицыну встреча была! поехали наши казаками, вернулись урядниками... лестно посмотреть! Как нас?

С этого вопроса полегоньку переходил и на более серьезные. Прения на предвыборных собраниях доставляли ему и его товарищам чрезвычайное удовольствие. Одно жаль: на счет казачьей части — скудно. Знали они суть моей казачьей программы. Одобряли. Кстати сказать, местные кадеты в этой программе усмотрели реакционный дух и „правовой порядок", землевладельцы — открытую революционную агитацию против частного землевладения на Дону.

Последнее предвыборное собрание было в доме дворянства. Председательствовал областной предводитель дворянства В. И. Денисов. На нем был шталмейстерский мундир и генеральские брюки, которые на нашу серую публику из „Якоря", по началу, навели некоторую робость.

Урядник Петров в зимнем чекмене на вате и в смазных сапогах подмигнул мне:

— Посмотрим, как теперь господа кадеты поговорят...

— А что? — спросил я.

— В читальне-то, без генерала, они бойки, а вот пущай они при генерале поговорят...

Кадеты не менее бойко заговорили и при генерале. Петров слушал с изумлением, потом мотнул головой, оглянулся. Потом достал кисет с махоркой, сделал собачью ножку и, рассевшись в кресле, закурил цыгарку с самым независимым видом...

Казаки, по привычке, с опасением косились на генералов, а генералы чувствовали явную робость перед казаками: сила немая, загадочная, темная сила... Куда то она навалится, на какую чашку весов?

Казачья глыба, действительно, немножко своенравно и неожиданно наваливалась то на левую чашку весов, то на правую. Обе борющиеся группы ожесточенно ломали копья красноречия перед ней и за нее.

В стране векового молчания оказалось неожиданно много прекрасных политических ораторов. Казаки слушали и загадочно безмолвствовали. Изредка кто-нибудь из дальнего угла бросит как-бы мимоходом вопрос:

— А земли сколько имеете?

Для правой группы это был вопрос неприятный — по тому времени, но и сами правые поддевали некоторых левых на удачу: А какого вы вероисповедания?

Одним из лучших ораторов в партии „правового порядка" был крупный землевладелец Мазаев, сектант. Я всегда с восхищением слушал этого тонкого, тертого, великолепно вышколенного человека, искусного и язвительного диалектика. Но, как это ни странно, на предвыборных собраниях его всегда топил невзрачный урядник Попов из Иловли, приземистый карапуз, обладатель сочного такого баска:

— А вы какой лерегии будете?

Мазаеву при этом вопросе всегда изменяла его великолепная выдержка:

— Такой, какая не препятствует баллотироваться в Государственную Думу, — нервно бросал он в насторожившуюся тишину зала.

— Хммм... — едко басил Попов: — ну мы, пожалуй, и без молокан обойдемся...

Кажется, именно „Золотой Якорь" решил участь выборной кампании. В этот грязный трактирчик, во время антрактов (выборы шли все три дня), забегали даже камерюнкеры, выпивали и закусывали с серым „младшим братом" и усердно об'яснялись ему в любви. „Младший брат" от даровой рюмочки не отказывался, но застланный почтительностью его взор не изменно говорил:

— Выпить-то я выпью, но, кому я шар положу, — там видно будет...

И клал камерюнкеру... черняка.

Выборы закончились поздно ночью, на третий день. Из партии „правового порядка" никто не прошел. Но четыре урядника, проведенных казаками, сели на правой стороне и за кратковременное бытие первой Думы вошли в тесный контакт с большим начальством. После роспуска Думы они все получили полицейские места, и два были произведены даже в хорунжие — за усердие...

Но это потом было. А первый момент — после нашего избрания — по особому сильный, торжественно трогательный, необыкновенный — первые народные избранники! — как будто спаял всех близостью осуществления лучших надежд и упований. В приветственных речах говорилось о свободе, о праве, о восстановлении старой забытой славы и достоинства... Много хорошего...

Шамба Балинов.

Случайный разговор.

Поезд Прага—Париж остановился на пограничной чешской станции Хеб. Я уже третий раз выезжаю из Чехословакии, где прожил 8 лет, во Францию и каждый раз, при переезде через границу, становится как то грустно, как будто выезжаешь из своей родной стороны на чужбину далекую.

Последний раз покупаю себе знаменитые чешские теплые парки и кружку плзенского пива. Мальчик-разноссчик пива — не понимает (или не хочет понимать) по чешски, а я не знаю по-немецки. Об'ясняемся при помощи жестикуляции. Чехи, ехавшие со мною в вагоне, выражают свое возмущение и мальчик быстро ретируется.

Поезд мчится уже по немецкой территории. Я забиваюсь в угол купэ, углубляюсь в чтение.

Станция Нюренберг. В купе входит новый пассажир. Прилично одетый, интеллигентного вида молодой человек, в золотых очках. С любопытством смотрит на меня и затем, через некоторое время, увидав в моих руках русскую книгу, спрашивает:

— Вы — русский?

— Калмык.

— Ну да, русский калмык?

— Калмык из б. России, — отвечаю, улыбаясь.

Он делает немного удивленное лицо.

— С какого вы места?

— С Дона.

— Значит казаков наших хорошо знаете?

— Не только знаю, но я сам донской казак.

Разговор обрывается. Собеседник мой вынимает из кармана немецкую газету и читает. Наконец, газета просмотрена. Он снова обращается ко мне.

— Разрешите поинтересоваться вашей книгой?

— Пожалуйста. Даю ему книгу, какую читал. Он раскрывает и читает: Отто Бауэр — Национальный вопрос.

— Гм, вы читаете эту книгу и... понимаете?

— Раз читаю, очевидно, понимаю, — отвечаю спокойно, хотя в душе поднимается раздражение. Заметно, что я в его мнении несколько поднялся, не дикарь, мол...

Собеседник мой начинает разговор о „политике". Рассказывает долго и хорошо об ужасах, творимых большевиками в СССР, об их зверствах, о расстрелах, ссылках, о страшном голоде и страдании населения. Говорит интересные вещи; очевидно, человек следит хорошо за литературой, наблюдает за советской жизнью. Я во всем с ним соглашаюсь и охотно поддакиваю.

Постепенно переходит на тему о русской демократии, о ее борьбе с большевизмом. Начинает рисовать картину будущего, когда большевизм падет и воскреснет из мертвых Великая, Свободная Россия, где Казачество, если будет вести себя разумно, получит от русской демократической власти некоторые права на местное самоуправление.

Его самоуверенный тон, его барская замашка „пожаловать" казакам некоторые права (и то условно!) меня, наконец, озлобляют и я грубо отвечаю:

— То, что вы с таким пафосом говорите о будущей России, напоминает мне того мужика из басни, который рисовал себе яркую картину своего будущего богатства, которое к нему придет, когда он убьет зайца, продаст его шкуру и т. д. Ведь ваши слова, говорю, это — рассуждение человека, далекого от реальной жизни, находящегося во власти книжной теории, доктрины. Бывают люди, занятие которых ревниво заботиться о сохранении в чистоте своей партийной ризы, мыслящие по „ученой книге", если бы даже они шли в разрез с реальной жизнью. Такие люди способны все сложные вопросы жизни легко разрешать „в уме" и эти свои решения аккуратно разложить по партийным полкам. Но часто эти люди в моменты великих потрясений стушевываются, предусмотрительно предоставив тяжесть жизненных катаклизмов другим с тем, чтобы потом, после прошедшей грозы, вылезти снова из тиши своих кабинетов для „изучения" ошибок действовавших людей, для обвинения их, для высокомерного их поучения...

— Постойте, постойте, что вы расходились! За что же вы обиделись? Вы — казак, но не думаю, чтобы вы были из числа тех рехнувшихся... самостийников казачьих. Ведь в том, что я говорил о будущем положении Казачества в будущей России, ничего обидного для казаков нет. И среди самой казачьей эмиграции, кажется, существует политическое течение с лозунгом — Свободное Казачество в Свободной России...

— Я и не собирался обижаться, но мне досадно, что вы с таким увлечением и серьезным видом говорите о двойном будущем: о будущем Казачества в будущей России. К тому же, вы ошиблись: я именно из числа „рехнувшихся", как вы изволили выразиться, я — казачий самостийник и, разрешите, вернуть Вам ваш не по адресу направленный эпитет. Что же касается того политического казачьего „течения", о котором вы упомянули, то оно состоит из 2-3-х лиц, на старости лет с душевной мукой тянущих лямку партийного хомута, давно уже лишенных своего собственного мнения, а только повторяющих то, что прикажут им по партийной линии. Это люди, добровольно отворачивающиеся от реальной жизни, но легко разрешающие все вопросы будущего...

— Не доказательно, но самоуверенно... Скажите — все ли самостийники такие самоуверенные, как Вы?

— А скажите — все ли русские демократы такие... болтуны, как Вы?

— Тише на поворотах!

— Ничего!

Входит бравый немецкий кондуктор. Проверка билетов. Собеседник мой вступает с ним в беседу. Указывая на меня, говорит „казак". Тот благодушно улыбается, что то говорит. Оказалось, что и он кое-что знает о казаках из „литературы", слышал о казаках-разбойниках, о страшной казачьей пике...

— Это вы, русские, за нас, казаков, постарались, чтобы о нас в Европе составили взгляд, как о людоедах...

— Положим, не мы одни, в этом отношении больше нас постаралось русское царское правительство.

— Тем хуже.

— Вот где довелось встретиться с казачьим самостийником! Самостийность... Откуда она взялась? Откуда эти народы взялись? Народ казачий? Уму не постижимо! Что породило это зло?

— Не играйте в невинность! Самостийникам помогают сами русские. На то, как они это делали, очень мягко указывал еще Н. И. Костомаров. Вот прочтите отмеченное карандашом место.

Даю ему украинский исторический сборник „За сто літ", книга четвертая, 1929, где напечатано письмо Костомарова А. С. Суворину.

Читает:

„Я думал: имея в виду соединение и обновление славянского мира, надобно достигнуть того, чтобы русскому обществу внушить любовь к свободе, да уважение к другим национальностям и народным разновидностям, а также истинную веротерпимость. Ни того, ни другого у нас нет. У нас хотят, чтобы всякий, кто наш, непременно во всем был похож на нас".

— Это очень мягко сказано. Русские не только хотели, чтобы все другие походили на них, но чтобы все другие отказались от своего и беспрекословно подчинялись им.

— Но это ведь больше относится к старому, рухнувшему царскому режиму, чего теперь нет...

— За то есть еще худший красный деспотический режим...

— Это — временный режим, осужденный всем ходом истории на неизбежную смерть. На его смену придет власть демократии, которая все время боролась со старым режимом и является верной защитницей спра-

ведливых интересов народов. Самостийники должны это знать и быть вместе с демократией во имя лучшего будущего своих народов...

— Покорно благодарим. Мы верим, что когда истинные русские демократы придут к власти в России, то они пойдут до известной меры навстречу требованиям некоторых народов, но только не Казачества. Ведь для русской демократии Казачество — не народ, а сословие, при том самое злое, военное, подлежащее немедленному уничтожению. Ведь демократы принципиально должны были уничтожить Казачество, но только в силу своей мягкотелости неспособны были сделать это. Но за то за них теперь работают большевики, беспощадно физически уничтожая казаков... Такую позицию в отношении казаков русские демократы заняли в силу своей „книжной демократичности", ибо казаки, никогда не знавшие рабства, деспотии, являются самыми подлинными демократами, демократами не от книги, а от жизни...

— Не собираетесь ли прочитать мне проповедь о казачьем демократизме?

— Напрасный был бы труд. Я только хочу указать на беспочвенность, нежизненность вашей демократической теории в применении к условиям русской жизни.

— Но в чем заключаются реальность, жизненность вашей самостийной теории?

— Давайте сначала о нереальности вашей теории. Ваш лозунг — демократическая Россия. Но, на пути к этой России стоит такое препятствие, как советская власть, опирающаяся на миллионную армию фанатичных членов коммунистической партии, беспощадно вырезывающая всех ваших демократов. Без свержения этой власти все ваши слова будут пустым звуком. Следовательно, вашей первейшей целью должна быть борьба и свержение этой власти. Но вот как раз тут у вас пустое место: у вас нет идеи, более привлекательной для народной массы, чем лозунги большевиков. У вас нет живой силы для действенной борьбы с большевиками. Вы не ведете этой борьбы и не можете вести. Вы не только не ведете с этой властью борьбы, но зачастую оказываете ей помощь, дискредетируя и поносяся те реальные силы, которые способны вести активную борьбу, всячески „смазывая" ту идею, которая одна способна поддерживать и воодушевлять эту борьбу, т. е. самостийников и идею самоопределения народов. Кроме идеи самоопределения народов, нет идеи, которую с успехом можно противопоставить коммунистической идее. В области словесной борьбы вам с большевиками не конкурировать, а реальной силы у вас нет. Лозунгом „демократия" русского мужика не тронешь, ибо он для него, что евангелие для сазана; лозунгом „Великая Россия" русского рабочего не соблазнишь, ибо она, кроме горя и страдания, этому рабочему исторически ничего не дала. А горсточка русской интеллигенции, жившая идеей демократии и Великой России, к несчастью, беспощадно вырезывается русскими же людьми. У вас нет под ногами почвы, нет живой силы...

— Какая категоричность и самоуверенность! Обычно такой „болезнью" страдают недоучки...

— Не обидите! В противоположность вашей книжной теории, самостийное движение основано на реальной почве, подпирается живой активной силой, воодушевляется сильной идеей, способной смело выдержать противопоставление коммунистической идее. Конечно, ничто не мешает народам, в том числе и Казачеству, сидеть сложа руки и ждать московского барина, ждать того момента, когда русские демократы доберутся до власти в России и заблагорассудят признать законные права народов. Но этого пришлось бы слишком долго ждать, во-первых, а во-вторых, — это позиция позорная. Поэтому народы сами интенсивно работают над развитием своего чувства национальности, добиваются своей самостоятельности. В такой независимой жизни они видят высшее благо для своих народов. Но этим самым народы работают и на вашу пользу, на пользу русских демократов, ибо освобождение этих народов от власти большевиков само по себе будет означать начало смерти большевизма...

— Покорно благодарю! Ценою расчленения моей Великой Родины добиваться освобождения я не буду. Лучше пусть уж будут большевики, которые все же возвышают русское имя...

— Вот это как раз и является основным вашим, русских, пороком. У вас действительно „особая стать". То большевики преступники, предатели России, то — возвышатели русского имени; то свобода человеческой личности, свобода народам, то грозный окрик на них: не смейте добиваться независимости. Это только свидетельствует о неискренности вашей проповеди о братских славянских народах, об'единенном Славянстве. Вам нужно не об'единение свободных, сильных и равноправных славянских народов. Вам нужна Великая Россия и заискивающие перед нею, зависимые от нее бедные родственники. Очевидно, имея в виду именно это русское стремление, такой противник самостийного движения народов б. России, как известный чешский общественно-политический деятель Карел Крамарж говорит: „славянин не смеет угнетать другого славянина. Каждый славянский народ должен быть сильным, свободным и вполне самостоятельным в своем доме"...

— С вами говорить почти невозможно. У вас мало логики и знания предмета, но за то запальчивости и раздражения хоть отбавляй. Поэтому, возражать вам не буду, очевидно, что это совершенно бесполезно. Но, скажу только одно: если Крамарж говорит о праве славянского народа быть самостоятельным в своем доме, то он говорит это о народе, а не о Казачестве. Последнее никогда не было народом и не будет. Только преступники и ушибленные люди могут об этом говорить...

— Оно вашего мнения не спрашивает и не будет спрашивать. Его судьба может быть двоякая: или большевики еще настолько долго просуществуют и, выполняя ваше, русских, тайное желание, успеют физически уничтожить казаков; или же Казачество найдет в себе силы своевременно освободиться от власти красной Москвы, установит свою независимость, заживет свободной, равноправной с другими славянскими народами государственной жизнью. Тогда зовите нас, как вам будет угодно: народом-ли, сословием-ли, или бытовой группой. Осуществить эту казачью независимость постараются самостийники.

— А мы попытаемся осуществить первую, а всех самостийников попытаемся повесить на фонарных столбах...

— Если кому будет вешать!

Разговор принял неприятный оборот и сидеть в одном купэ стало довольно неудобным. Но, кстати, поезд подошел к пограничной станции — Кель. В вагон вошли французы проверять паспорта. Еще более кстати у моего дорожного „приятеля" паспорт оказался не в порядке. Человек семь лет прожил во Франции и, уезжая на время заграницу, не догадался запастись обратной визой.

Полиция его ссадила с поезда и увела с собою.

Так скоро сказалась его далекость от реальной жизни.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Думы и мысли.

Павел Кудинов. *(Болгария).*

Казакам.

Степи седые, курганы, холмы —
Думают думу казачью — как сны...
Стонет Сибирь, Енисей, Семиречье,
Стонет Амур, Уссурия, Байкал,
Стонет Кавказ, Запорожская Сеча,
Стонет Тамары красавец Дарьял...

. . . . . .

Почему ж ваша песня уныла?
Разве жизнь безотрадна-горька,
Иль „опека" Москвы так постыла,
Душит ли злая судьба казака?

Сила ли ваша уж вам изменила,
Взор ли орлиный померк и угас?
Иль сила вражья душу смутила,
Вера ли, братья, убита у вас?

Грань ли казачью смело и размыло
И погост родных ваших трактором взрыт?
Или любовь ко Христу так уныла
И завет наших предков растоптан, разбит?

И не пора ль нам позор отцовский
Смыть, и преданье дедов оправдать,
И весь этот пришлый к нам сброд московский
С просторов родных нам изгнать?

Нам, казакам, и сынам Кавказа
Нет ведь иного пути:
Распри забыв, всем вместе и сразу
К свободе народов идти.

Теперь не должно быть уж больше измены,
Мы лавой за Волю пойдем.
От Дона седого — до дальней Лены
Мы всех на борьбу уж зовем.

Родимые братья, тоскуя по воле,
Рассеем туман этой смуты злой
И стяг наш поднимем, где синее поле
Олень украшает, пронзенный стрелой.

4-III-1929 г.

И. С. Константинов. *(Дальний Восток).*

Терпи, казак!

Казачество, борясь с нуждой,
В краю родимом, опустелом,
Устав душой, ослабнув телом
Проходит тяжкий путь земной.
Как жаль тебя, родной народ, —
За что несешь свои мученья?
Тебя гнетет нам чуждый род
Умышленно, без сожаленья.
Не стало хлеба, нет скота,
В станицах голод, нищета.
Куда девалися богатства,
Казачья слава и почет,
И что в дальнейшем тебя ждет,
Народ свободы, воли, братства?
Не верь коммунам, вольный люд!
Не слышен им казачий плач, —
Они нас к гибели ведут...
Топор занес уже палач.
А кто палач наших свобод? —
Московский чуждый нам народ!
Печальна наша сторона,
Поля заброшены на ней,
Заржавел плуг и борона,
Растет высокий там перей.
Казак наш сена уж не косит:
Скотины нет, она не просит.
Зачем ему теперь пахать?
Ведь сколько он не молотил,
В коммуну осенью свозил, —
Семье пришлося голодать.
И всеми он теперь забыт...
Сходил бы в церковь помолиться,
Да что-ж — и храм то ведь забит,
Пришла пора — хоть удавиться.
Но, нет, казак, не унывай!
Терпи, крепись, не уступай!
И верь! Казачество восстанет
Из пепелищ и из огня,
И жизнь построит уж тогда
По новому... Пора настанет
И раны мы начнем лечить
Тогда для будущих трудов...
Но, мертвых нам не воскресить —
Погибших братьев-казаков.
Мы памятник для них поставим
И в песнях навсегда прославим.

В минуты вечерних размышлений.

Вышел сеятель в поле сеять...

Передо мной три номера журнала „В. К." — 50, 71 и 72. В 50-м номере показан приблизительный урожай за второй год деятельности этого журнала, а в 71 и 72 номерах такой-же, т. е. приблизительный урожай за третий год. Я говорю приблизительный, ибо точный урожай установить невозможно. На страницах этого журнала в виде приветствий и пожеланий показан результат уже созревших семян, брошенных сеятелем 3 года тому назад в плодородную почву — казачью душу. Но здесь не видно еще и других созревших культурных растений, которые по различным причинам не могли быть собраны. А сколько еще не созревших до конца, а сколько еще семян с едва вышедшим на свет Божий нежным стебельком и, наконец, сколько еще совершенно здоровых зерен, готовых при всяком удобном случае обнаружить себя! Об этом никто не знает, да и трудно узнать, ибо эти зерна находятся в почве — скрыты от человеческого глаза, но не утратили жизнь. Результаты таких зерен, нужно полагать, увидим в начале следующего года, как видим теперь результаты прошлогодних зерен.

Да, разница между урожаями настоящего года и прошлого огромная. Сказал-бы, что сравнения не может быть прошлого года с настоящим. Все это порождает один вопрос: что-же за причина? Вероятно, думаешь, хороший хозяин отбирает жизнеспособные семена и бросает их в хорошую плодородную почву. Другого предположения быть здесь не может, ибо перед нами много примеров, говорящих в пользу последнего утверждения.

Еще не забыт прекративший свое существование орган „Казачьи Думы", как также недавно почивший „Казачий Путь" и, наконец, еще живые „будители" и „путеводители" Казачества „Родимый Край" и „Кавказский Казак". Все как-будто имеют казачью фирму, а вот все-таки не дают нужного результата. Значит, еще не достаточно называться соответствующим именем, т. е. иметь внешнюю сторону, а нужно, оказывается, еще иметь, что есть самое главное, внутреннюю казачью сторону, содержание, соответствующее названию, т. е. здоровые, жизнеспособные и чистые семена.

Упомянутые живые и мертвые органы, очевидно, не имеют достаточно хороших семян, раз не получают достаточных урожаев, хотя и высевают свои семена на том-же самом поле. А ведь они тоже казачьи, разница только в том, что язык-то их не казачий, не понятен он казакам. Даже приходилось не раз слышать, как большие сторонники Богаевской политики откровенно и чистосердечно при сравнении журналов „Р. К." и „В. К." высказывались в пользу последнего. Они говорят, что содержание „В. К." интересней, оно гораздо ближе приближается к казаку и не может быть никакого сравнения в этом отношении с „Р. К.". Последний-же о казачьих вопросах трактует слишком поверхностно, не вдаваясь по-глубже в казачью действительность, а больше разрешает вопросы Единой

Неделимой, которые ничего не говорят ни уму ни сердцу казака. Не раз приходилось слышать нехорошие отзывы и по адресу „Кавказского Казака". Говорят, что он не имеет собственного лица и политического фундамента, на котором-бы обосновался, что, конечно, не может вызвать нужного доверия казаков.

Последнее время, русские эмигрантские круги, что-то начали особенно беспокоиться о судьбе казаков и вообще начали уделять немалое внимание ему на страницах печати. Я хочу сказать, что на плодородной казачьей почве пытаются культивировать свои зерна и русские политики, предполагая собрать подобные урожаи, как это собирает „В. К.". Наперед можно смело сказать, что эта затея напрасная, никакого толку из этого не выйдет. Эти люди бросают в почву очень малую часть семян, имеющих способность произростать на казачьей почве, другая же большая часть их есть плевелы для казачьей души. Да и могут ли отличать эти люди семена культурных растений и сорных трав? С уверенностью можно сказать, что этого русские политики не знали, не знают, а, следовательно, и никогда не узнают (не интересуются), ибо они совершенно неграмотны в политической агрономии.

Наука агрономия в целом свете одна и та-же, но предметы, которые она изучает, самые разнообразные. Если, скажем, перевести хорошего агронома из Европы, например, в Африку, то он, без предварительной подготовки, по знаниям своим будет стоять ниже простого туземца, который практическим путем отлично изучил все методы, работы и условия для выращивания культурных растений. Здесь то же самое. Как может человек культивировать политические семена, когда он абсолютно не знает ни местных условий, ни самой природы этих семян. Большинство из современных политиков и политических мыслителей — „бывшие люди", т. е. люди, которые, если и осчастливили Россию двумя — тремя непродолжительными наездами, так и хорошо, а некоторые и того не считали нужным сделать, считая своей родиной Ривьеру, Париж, Рим, Венецию и т. п.; Россия-же для них служила неисчерпаемым источником материальных благ и — только. При чем, совершенно не интересовало его, каким трудом и какой ценой добывались „его" блага; нет, этого он и не должен знать. Он должен их иметь, вот и все, ибо он от рождения получал подобную мысль и целую жизнь не расставался с ней. Живя где либо в Париже, наш „политик" может ли знать, какие семена культивируются в Казакии и вообще что либо о казаках? Он знает их только по картинкам из географии „Иванова"; вернее, не казаков он знает, а их мундиры и черкески. Да ведь и чисто русские политики, которые, может-быть, и никогда не выезжали за границу, а прожили всю свою жизнь в Москве или в Петербурге, не могут тоже похвалиться своими знаниями о казаках. Эти люди не находили нужным уделить хотя небольшое внимание казакам, а тем паче изучить и проникнуть в их внутреннюю жизнь. Спрашивается, что может их связывать с казачеством, что они так усердно теперь очищают дорожку (не путь), приглашая ступить на нее казака. Посвящают ему целые журналы, стараясь заставить „встряхнуться" казачью душу, тщательно прикрывая его истинное лицо.

Нужно заметить, что русские политики усвоили тактику большевиков, а может-быть наоборот, это не так важно. Важно то, что в распространении и укреплении своих идей они бросают неимоверное количество семян, надеясь, что часть от этого количества все-таки найдет благоприятную почву для своего развития. Но, вопрос, правильно ли они поступают в таком случае? Ответ на этот вопрос можно всегда найти в недалеком историческом прошлом.

Еще свежи события 1919 г. когда казаки, отдавая последние свои силы в борьбе за свободу своей Родины, неожиданно очутились между тисками. С одной стороны многочисленные полчища красных, не переставая, теснили казака на юг, а с другой „непогрешимые" белые политики напирали на него с юга. Захваченные вихрем сладких грез о белокаменной Москве, „наши" вожди поспешили увидеть себя „Наполеонами" и решили во что-бы то не стало окончательно подчинить себе „строптивых" казаков, т. к. слава белых вождей в противном случае не была бы представлена во всей своей полноте. Они своими агентами во много раз увеличили количество сорных трав (начальников, подначальников), надеясь таким образом уничтожить всякую казачью самобытность. После, настолько обнаглели, что осмелились громко называть культурные казачьи зерна плевелами. Естественно, логика последних подсказывала, что эти „плевелы" нужно уничтожить, дабы не „засоряли" они „культурное поле". И от логических рассуждений перешли к действиям. Кулабухов, Рябовол и др. считались, по мнению „непогрешимых", плевелами. Но совсем иначе мыслили казаки.

Здесь лишний раз было подчеркнуто то, что казак с покон веков хороший и трудолюбивый хозяин; он без специальных знаний по агрономии довольно правильно решает назревшие вопросы. Видя на своей ниве большое количество сорных трав (бурьян), он одним огоньком „из под ветра" опожаривает ее, не жалея и культурные растения, те, которые, по различным причинам, не могли быть убраны. Казаки бросают фронт и идут защищать своих выборных представителей и свой дом. Красный пожар все уничтожает на пути своем.

Но, таков закон природы; будем надеяться, что на опожаренной земле, на чистых от плевел нивах, казак в будущем будет собирать хорошие урожаи.

Да, и это будет, но при условии, если казаки поймут, что для этого нужна казачья сила, а сила там, где есть, единение. Нельзя, так-же забывать, что успех дела много зависит от работы самих-же казаков. Считаю грехом сидеть и ждать удобного случая, который, может-быть, никогда и не прийдет. А раз так, то не ждать его нам нужно, а самим его создавать. Хочется громко крикнуть всем братьям казакам, что-бы помнили, что никто не поможет нам в нашем деле, а поэтому, не рассчитывая ни на кого, мы должны сами добиваться желанной цели.

И. Евсиков.

22-I-1931 г. София.

„Земля обетованная".

Красиво в Швейцарии... Красивы горы, покрытые лесом, снеговыми вершинами упирающиеся в туманы, красивы воды, краска которых — небо, чист и живителен воздух, без вина пьянит и кружит голову, но нет в людях здешних жизни и над страной — серая, непроглядная скука. Притуплены страсти, долу снижены порывы и люди, не люди — трупы! Деньги, деньги благополучие многих — вот, что душит помыслы, заставляет медленней биться сердце... Свободная из свободных стран — раба...

На улицах городов не видно нищих, они не протягивают руки за подаянием, о безработных печется федерация, им в случае нужды „3 фр." *) в день... Жить можно. Но почему страна, государственное устройство которой — мечты и стремления многих „передовых" людей, — достигнув своей свободы, — скучна? Не потому ли и говорят, что жизнь человеческая, осуществив идеалы, станет невыносимой... Вся страна чувствуется в рамках. Полиции не видно в городах. Каждый гражданин должен знать, что петь во-все горло на улице — нельзя, что фонарь, привешен на телеграфный столб не для того, чтоб в него нацеливаться камнем (так же и витрины), что драка на улицах — сверхбезобразие, что всякое бурное из'явление своих восторгов — неприлично... И люди чинны, спокойны, выдержанны, аккуратны, заняты своим делом, исполнительны, честны... Каждому отведено определенное место под солнцем и каждый занимает его недаром.

Над всей страной можно протянуть вывеску:

„Продажа в кредит (обеспеченный) и за наличные". Продается воздух, которым дышат больные, леса, озера, которыми любуются, продаются и сами люди. Лозанна, в которой я живу, мнится мне большой гостинницей. То и дело мелькает: „Hôtel, Pension", ect... Сохранились в городах узкие, средневековые улички, ста-

*) Плата безработным в разных кантонах неодинакова. 3 фр. — минимум.

рая готика церквей, уносящая от земного — к небу, но... люди то все в земном!

В каждом почти селе, в каждом городе — château; он кажется здесь случайным, ненужным, лишним, теряется в громаде новых, однообразных зданий. Замки хороши на отлете, вдали от городов и сел. О, там они переносят вас в прошлое, воскрешают старые картины, такие красочные, героические, но увы, — неповторяемые...

Образуя вольную федерацию, — кантоны Швейцарии, самостоятельны в своем государственном управлении, внутренняя же политика всех кантонов замкнута, эгоистична, утилитарна. Налогов много*). Страдают от них больше, конечно, русские, как наименее материально обеспеченный слой населения... Впрочем их здесь немного. Три-четыре тысячи на всю Швейцарию. Каждый не-швейцарец, признавший свою материальную несостоятельность, не имеющий за собой никакого обеспечения, — вежливо высылается из пределов Швейцарии. Каждому желающему в'ехать эмигранту надлежит внести залог в количестве 2000 (двух тысяч) швейцарских франков.

Лечение больных грудных, туберкулезных поставлено в Швейцарии образцово. Из санаториумов, клиник — целые города (Лейзен, Давос). Масса больных, совсем, кажется, безнадежных, получают исцеление, возвращаются здоровыми к себе домой. Да и странно, вдыхая чистый, горный воздух, пользуясь в лечении последними открытиями науки — еще бы в таких условиях умирать, не выздоравливать...

И под таким ли небом, как в Швейцарии, не давать простора своим чувствам, не любить, не ненавидеть, наконец, но, видно, природа, щедро рассыпав свои дания маленькому народу, сделав родину его красивейшей в мире, — загасила в людях дыхание жизни и люди — мертвы.

В Лозанне озеро. В воскресный день — толпа, по праздничному нарядна, спокойно гуляющая по набережной. Озеро широко, врезано стальною полосою в междугорье. Вершины гор в снегу и в ясный день — алмазы сверкающие солнцем. На берегу замок (Ouchy), рестораны, лотки мелких торговцев, шарманщик со своим партнером скрипачем... Печальными аккордами в воздухе какая то, должно быть, старая мелодия и прохожие на ходу бросают в порыжевшую шляпу мелкие медные и серебряные монеты. У мола кормят крикливых, обнаглевших чаек, вырывающих прямо из рук кусочки хлеба. Откуда то подплывает лебедь, снисходительными щипками награждает чаек, и величаво, спокойно, изогнув длинную свою лебединую шею, вылавливает клювом омоченный хлеб...

Свежий ветер... Треплет паруса задумчиво стоящих у берега лодок, прически мужчин, обыкновенно ходящих без шляп, платья женщин, бодрящей струею входит в легкие, холодит руки...

В толпе странно-оживленны смуглые не швейцарские лица. О чем то быстро говорят, жестикулируют, щелкают фот. аппаратами и, наконец, сговорившись, наверно, куда то уходят... Толпа снова спокойна в своем, как бы бессмысленном течении, и что то хмурое спускается на озеро, на горы, но ослепительное небо, и хочется уйти, скрыться, сохранив где то в душе нетронутый след первых впечатлений.

Иностранцы оживляют жизнь в Швейцарии и в частности в Лозанне. Тут и испанцы и чилийцы, и негры, и французы. Университет, один из самых старых и благоустроенных в Европе, привлекает многих. Студенты группируются, как и везде, в свои союзы, корпорации, но обыкновенно, эти последние существуют больше для веселых пирушек. Среди учащихся в университете — богатые, молодые люди, не отказывающие себе ни в чем, имеющие собственные автомобили и т. д.; общество подобных, не так давно, заполучило и свой „бар", сняв помещение в одном из лучших домов Лозанны.

Русские (их в Лозанне немного) — живут своей колонией. Стараются сохранить свое, национальное... Устраивают концерты, балы, лекции, вечеринки, но, боюсь, что и их засасывает здесь неминуемая швейцарская тина. Казака — ни одного (кроме пишущего эти строки). Был Жаров. Всколыхнул всех удалью и красотою казачьих песен, и снова все затихло, погрузилось в свою обычную сонливость.

Среди русских в Лозанне — люди с громким прошлым. Живут они в Швейцарии не первый десяток лет, ушедшие давно от гнета царского единодержавия и сейчас не смирившиеся, не принявшие большевизма. Многие из них со средствами. Бедность, нищета даже, бросающаяся в Югославии, в Белграде, среди эмигрантов в глаза, здесь незаметна. Все более или менее устроены на работы, сводят концы с концами. Не обеспеченным материально, не место в Швейцарской федерации. В Лозанне есть хорошо подобранная русская библиотека, некоего Рубакина; к сожалению, может быть, не всем доступная, благодаря высокой цене (2 шв. фр. в месяц за 1 книгу)...

. . . . . .

Пиша эти строки, гляжу в окно моей квартиры на Avenue d'Ouchy. Моросит дождь, жалобно стучится в стекла. На улице — туман и люди серые, незаметные тени... какая то тоска вползает, окутывает душу... Маленькую возможность — и ушел бы отсюда, гол и нищ, с котомкой за плечами, как ушел когда то Иоанн из Дамаска; и благословил в достигнутой степовой шири и нищету свою, и посох, и котомку, и простор, и едва обретенную, в свободной стране не познанную, свободу.

Петр Закрепа.

*) В числе налогов — налог на заработную плату, на квартирную, общий налог, налог на домашних животных (собак) до 60 фр. в год, налог за пользование терассой, на рояль и т. д. — все это берет в год по крайней мере $2^1/_2$ месяца ваших приходов.

Письмо в редакцию.

М. Г. Г-н редактор, прошу дать место моему нижеследующему письму:

Хочу написать братьям казакам несколько слов. Собратья станичники, я хочу попросить всех читателей: давайте начинать сами идти спасать наше дорогое нам Казачество. Что же за десять лет наши главнокомандующие сделали? Им хорошо живется, везде их приглашают, с ними считаются, а полезной для нас, казаков, работы никакой не видно. У них одна задача и мысль — спасать Кременную Москву, батюшку царя, как например Кирилла. Нам это не нужно. Нам надо демократический строй и казачьи выборные Атаманы, чтобы Покотилы, Таубе и разные графы нами не управляли. Довольно быть у Москвы зятьями! Что мы только не делаем? В 1905 году спасали уже Россию, а Москве это не хорошо. Она нас спалила, выгнала из пределов родины, а теперь генерал Миллер и ген. Абрамов хотят опять повести спасать Москву. Что мы от этого будем иметь? Совершенно ничего. А жертвы в первую очередь должны быть казачьи, но после повылезут и губернаторы и градоначальники, а казаки иди, бери кнут, погоняй быков.

Многие будут сидеть заграницей, подбирать себе партию: долой казаков. Я это на себе испытал в 1919 году. Я поднял восстание против большевиков в станице Еланской Верхне-Донского округа Д. В. Не говорю, что во всем округе, только в одной станице, и меня за это произвели в чин сотника. Верите, дорогие станичники, на другой же день стали смеяться — „деревянный сотник". Когда генерал Деникин со своим Романовским все испортили, то и давай всю беду валить на командующего Донской армией генерала Сидорина, его винить и судить.

В этом я лично не оправдываю и своего Донского Атамана генерала Богаевского, который видел, что со стороны командующего Донской армией никакого подлога не было. Просто „ваньки" хотели себя очистить. За 300 лет они научились казака в ложке топить. Генерал Богаевский этому нелепому поступку попустил и в этом его большая ошибка. Как же нам идти с русскими? Они только мечтают об освобождении России и

о возвращении им их экономий, а казаки — клади свои головы и за что? Чтобы после вся кацапия критиковала казаков...

Так же и теперь думают: „Прикажем казакам". Нет, будем осторожны. Непременно бы нужен нам всеобщий с'езд казаков, собраться поговорить и послушать отчет нашего правительства. Слышно, что г-н Мельников во Франции приобрел хорошую виллу, а казаки инвалиды не имеют помощи.

Станичный Атаман Кнежеви-Виноградской станицы **Атланов**.

Югославия. 19-I-1931.

Казачий вопрос на собрании партии „Крестьянская Россия".

24 января на клубном собрании „пражской группы крестьянской трудовой партии" состоялся доклад проф. Мякотина на тему „Казачество в прошлом и настоящем".

Вопрос о казачестве, видимо, приобретает в русских кругах эмиграции в настоящий момент особый интерес, и на собрание явилась довольно многочисленная аудитория. Нам также казалось, что доклад должен быть весьма интересным. Прошли такие колоссальной важности события для судеб народов, составлявших огромную империю на Востоке Европы и Севере Азии, как Мировая война, революция, распад империи, казаче-большевицкая война...

Наряду с другими народами казачество поставило вопрос о своем государственном бытии сначала в составе федеративного Российского государства, а потом и вне его, воскресило свою старую государственность, в течение почти трех лет существовало на основе полной государственной независимости, потерпело поражение.

За это время вышли новые труды по истории казачества как казачьих, так и русских историков, проливающие яркий свет на его действительное прошлое. Общественная мысль казачества в эмиграции подвергла и продолжает подвергать „переоценке ценности" прошлого и намечает решение основных вопросов своего бытия на будущее. Определяются, кристализуются и дифференцируются разные течения общественно-политической мысли казачества. Среди казачества теперь имеются более или менее оформившиеся течения автономистов и федералистов российских, автономистов и федералистов украинских (у кубанцев) и, наконец, самостийников, — сторонников полной и безусловной государственной независимости казачества...

Казалось, что общественная мысль у русской эмиграциии, подавляющее большинство которой было непосредственными свидетелями важнейших событий в Казачьих Землях, должна была также учесть опыт борьбы между россиянами и казаками, подвести итоги и сделать ясные выводы. Казалось, что формирующаяся новая крестьянская русская партия это сделала и теперь предлагает общественному мнению свое определенное и вполне обоснованное решение казачьего вопроса с русской точки зрения. Выступление в роли докладчика не рядового эмигранта-политика, а профессора-историка и публициста заставляло ожидать, что вопрос будет освещен и достаточно всесторонне, и, главное, углубленно обоснованно и решение будет предложено вполне серьезное, ясное и определенное, словом, — не митинговое, а научно обоснованное.

Однако, доклад проф. Мякотина далеко не удовлетворил нашим ожиданиям. Докладчик взял на себя в сущности невыполнимую в рамках $1—1^1/_2$ часового доклада, да и ненужную в данном случае задачу — по основным вехам рассказать всю историю всего казачества вплоть... до 1917 г. Поэтому он попросту проскользил по поверхности явлений и событий из исторической жизни казачества, мягко и осторожно обходя шероховатости и трещины там, где дело касалось взаимоотношений казачества и России. Правда, там, где дело шло о казачье-польских отношениях, докладчик шероховатостей и трещин совсем не боялся, смело шел на них и даже, останавливая на них внимание аудитории, давал весьма резонные об'яснения причин их происхождения. Останавливался он также и на внутренних причинах ослабления казачества, например, на социальном расслоении его, на возникновении в его среде, с одной стороны, сословия старшин — дворянства, обогащавшегося от власти, с другой — массы казачества, которая в процессе напряженной борьбы с внешними силами беднела и попадала в экономическую зависимость от своей же старшины. О том же, что интересы и стремления казачества, как определенного общества, его социально-экономический и политический строй находились в противоречии (за исключением религии) с интересами русского общества и строем русского государства, докладчик совсем не говорил. Создавалось поэтому такое впечатление, что тут все было в порядке, никаких противоречий, а если иногда и случались кое-какие неприятности, то ведь и „время тогда было жестокое".

На вопрос о происхождении казачества, имеющем несомненно первостепенное значение для современного общего разрешения казачьего вопроса на будущее, докладчик остановился также весьма поверхностно. В общих чертах он передал теорию, подброшенную в русскую историческую науку десятистепенным русским историком Броневским по указке графа Чернышова, временщика эпохи Николая I.

Как теперь, после исторических работ С. Г. Сватикова и И. Ф. Быкадорова, стало известно, над составлением истории Дона долгое время, в течение целых 10 лет, с 1822 по 1832 г. г., работал молодой историк-казак В. Д. Сухоруков, который во все это время имел доступ в архивы Ростова, Астрахани, Царицына и других мест, где хранились соответствующие материалы. На свою беду и к несчастью казачества, В. Д. Сухоруков, когда его труд был уже закончен и подготовлен к печати, поспешил поделиться некоторыми своими выводами в русских столичных газетах и журналах. Выводы эти оказались настолько „несоответствующими видам правительства", обеспокоенного к тому же новым возрождением на Дону сепаратистских стремлений, что и сам историк и его труд „до малейшего клочка" были по распоряжению Чернышова арестованы. В. Д. Сухоруков попал в ссылку на Кавказ с лишением права когда бы то ни было звниматься историческими изысканиями, а впоследствии и окончательно затравлен. Его же труд был отправлен в Петербург и... через 2 года, в 1834 г., Броневский напечатал свою „Историю Донского Войска", которая, как теперь выясняется, была построена на заимствованиях из труда В. Д. Сухорукова, но с выводами, находившимися в полном соответствии с „видами правительства".

Через год, в 1835 г., было опубликовано новое „положение" об управлении Доном, разработанное особым комитетом под председательством того же гр. Чернышова и окончательно низводившее казачество на положение военно-служилого сословия, закрепощенного русскому государству.

Таким образом, в ту эпоху не только окончательно были добиты русским правительством последние остатки вольностей казачества, но и произведена подделка его истории с помощью „историка" Броневского.

Среди других выводов, угодных Чернышову и Николаю I, Броневский предложил и новую теорию о происхождении казачества. В противоположность Карамзину, Татищеву, Полевому и др., которые считали, что казачество существовало еще задолго до нашествия Батыя (в первой половине XIII века), и рассматривали его, как особый народ, Броневский утверждает, что казачество образовалось из беглого русского крестьянства, уходившего от крепостной зависимости в русском государстве на Дикое поле, что становилось вероятным только после окончательного закрепления крестьян,

т. е. с самого конца XV века. Следовательно по Броневскому выходило, что казачество — такая же часть русского народа, как и вообще русское крестьянство.

Большинство последующих русских историков, не занимаясь специальной разработкой истории казачества по первоисточникам, т. е. архивным материалам, и не зная подтасовки, проделанной Броневским по указаниям Чернышова, приняло теорию Броневского и перенесло ее в университетские курсы, откуда она перешла уже в учебники средней и низшей школы и таким образом стала общепризнанной „истиной".

Так иногда, а может быть и нередко, пишется история.

И тем не менее, зная „фактические" поправки, сделанные в последнее время, профессор-историк Мякотин нашел для себя возможным в публичном докладе повторить эту „теорию" почти слово в слово по Броневскому с тою только разницей, что в общем распространения ее и на Запорожско-Днепровское казачество. Последнее, по его словам, тоже „русское казачество единого русского народа". И в тон к этому господин профессор сделал еще и пояснение: „в прошлом среди некоторых русских историков существовало течение, рассматривавшее казачество, как народ, однако об'ясняется это тем, что русская историография тогда переживала еще эпоху младенчества" и, следовательно, — добавим мы, — еще не научились служить „видам" правительства своего народа.

Наиболее же главного, что могло бы служить основной предпосылкой для соответствующей постановки и затем разрешения вопроса о будущих путях казачества, докладчик, можно сказать, даже и не коснулся. Событий периода 1917—20 г. г., когда казачество в течение полугода восстановило почти полностью свою государственность, разрушавшуюся Москвою на протяжении 200 лет, когда оно вынуждено было борьбу за свою независимость вести одновременно и с красной и с белой Россией, разрешая в то же время внутренние больные вопросы и ища путей для консолидации всего казачества, — этих событий докладчик не заметил или не хотел заметить.

Поэтому и основной вопрос, ради которого, повидимому, и делался доклад или, во всяком случае, нужно было, чтобы именно ради него он был сделан, — вопрос о будущих путях казачества не только не был поставлен во весь свой рост, как только и можно его ставить и решать, а... только приглажен под пресловутую истинно-русскую засаленную гребенку Броневского, изготовленную по заказу Николая I и по проекту гр. Чернышова 98 лет тому назад. Словом, — да простит нам уважаемый профессор эту невольную грубоватость сравнения, — вопрос о будущих путях казачества он не поставил своим докладом и не разрешил, а размазал по шероховатой поверхности „казацкой" истории от конца XV в. до 1917 г., думая, очевидно, что таким путем ему удастся замазать трещины русско-казачьих отношений не только в давне-прошлом, но и в период 1917—30 г. г. и даже в будущем.

Оказывается, что и для интересных прений по докладу не менее необходим ясный и правильный тон, чем для хора. Открывшиеся после доклада прения сразу же приняли необычайно бессодержательный и нудный характер. Даже такой опытный и старый парламентарий, как проф. Кизеветтер, который, казалось, при всяких условиях может легко найти в массе политической шелухи настоящее зерно, на этот раз ничего не мог подыскать для своей речи, кроме общих, никому и ничего не говорящих мест.

Не обошлось, конечно, и без „истинно-русских казаков" — тех, кто мыслит себя прежде всего русским человеком, а потом уж казаком. Видимо, они очень хотели и старались оказать докладчику посильную помощь, но временами так далеко заходили в своем усердии, что последнему приходилось либо опускать голову от неловкости и нервно теребить карандаш, либо и прямо отмежовываться потом, в заключительном слове, от таких единомышленников.

Один из них, например, очень подробно докладывал собравшимся, что он давно уже занимается вопросом истории казачества; в 28 г. издал казачий календарь, в котором сообщил такие то полезные сведения; в таких то журналах напечатал такие то статьи, а теперь работает под руководством уважаемого докладчика над составлением казачьего сборника, который будет состоять из таких то глав и в котором примут участие такие то профессора; что, наконец, он работает над составлением словаря особых казачьих слов и речений. Все это, конечно, очень хорошо и весьма похвально. Но беда в том, что все это не имело решительно никакого отношения к докладу.

В конце концов создалось какое то странное положение: недоумевала публика, глядя на „оппонента", недоумевал и оппонент, глядя на недоумевающую публику. Больше же всего „не по себе" чувствовал себя докладчик и, очевидно, поэтому усиленно теребил свой карандаш. Но пенять он должен в значительной мере и на себя: его слишком неясный тон способен был сбить с толку не только простодушного в политике полковника, но и опытного политика и профессора. Эту немую сцену не заметил только председатель, который, пригласив оратора „держаться ближе к теме", только и мог бы вывести всех из состояния недоумения.

Другой же „истинно-русский казак", очевидно не согласившись с докладчиком, что лучший способ борьбы с самостийными течениями в среде казачества состоит в том, чтобы с деланным видом не замечать их, решил атаковать вольно-казачье движение, так сказать, по всему фронту. И не смотря на то, что балаганно-шутовские приемы „оратора" производили на публику явно отталкивающее впечатление, интерес в зале сразу поднялся: удачно или неудачно, но поднят тот вопрос, который больше всего приковывает к себе внимание присутствующих. Интерес, проявленный к самому вопросу, оратор отнес, очевидно, к собственной персоне и дальше так распоясался, что сама публика вынуждена была потом сдерживать его. С места в карьер, как и подобает храброму полковнику-рубаке, он заявил, что Сватиков, которого самостийники часто привлекают к себе на помощь, подвел их. Путем передержек, подтасовок и односторонним подбором исторических документов Сватиков изобразил героями таких общеизвестных разбойников, как Стенька Разин, Пугачов и Булавин, а Платова и Межакова чуть не предателями казачества. И самостийники теперь расхваливают тех, от кого современное казачество должно отвернуться так же, как оно отвернулось от них в свое время и выдало на достойную расправу в Москву. У докладчика даже карандаш выпал из рук от такой поистине медвежьей услуги, а в заключительном слове он вынужден был отгородиться от такого единомышленника и раз'яснить храброму полковнику, что такие исторические фигуры, как Разин, Пугачов и Булавин, уж никак нельзя рассматривать так, как это пытался сделать один из ораторов.

Но храбрый подковник в пылу атаки не услышал падения карандаша, не заметил состояния докладчика, которого так удачно поддержал, и с новым воодушевлением продолжал свой натиск на самостийников. Самостийники, по его мнению, неуважительно относятся к „императору Петру великому", которого даже великим не называют, а просто Петром I, и обвиняют его за жестокости по отношению к донским казакам. Но это — недоразумение или просто демагогия. Казаки подняли бунт, а император усмирил его, — вот и все. Кн. Долгорукий уничтожил верховые городки, перебил там, перевешал людей, — что ж тут особенного? Что ж их по головке гладить, когда они бунтуют?! А самостийники вопят — Петр I — то, Петр I — другое, чуть не палач...

Так говорил казак о трагедии казачества, которая стоила ему десятков тысяч погибших казаков, их отцов, матерей и детей, разгрома вольностей всего Дона и потери миллиона десятин земли. И повернулся же у этого человекоподобного язык на такое кощунство по отношению к предкам народа, имя которого он носит? Да, так говорил казак и не за пьяным столом, а на публичном собрании. Трудно определить имя такому поступку.

Закончил же этот незадачливый „аратель" из полковников совершенно неожиданно. Когда председатель за-

метил ему, что его время уже истекло, он вдруг, не снявши даже колпака паяца, напялил на себя тогу менделизма и выпалил: „Мы, младроссы, ставим себе задачей создать новую русскую нацию"!.. Ошарашенная таким неожиданным оборотом атаки против самостийников публика расхохоталась, а „оратор" „победоносно" занял свой стул.

Ближе других подошел к вопросу, как он должен был стоять, донец иногородний, но разрешает он его совсем оригинально. Хотя с развитием техники вооружения и ведения войны казачество и устарело, как показал опыт европейской войны, тем не менее оно было бы весьма пригодно для охраны границ русского государства. Поэтому его следовало бы сохранить и в новой России. Правда, теперь оно значительно удалено от границ. Но в случае необходимости его можно было бы и поближе придвинуть к ним.

Оставалось только добавить: а их землю и все остальное передать нам и новым поселенцам из России. Но, очевидно, из скромности он этого не сказал.

Пишущему эти строки пришлось сделать всего несколько замечаний. Для более серьезного выступления ни доклад, ни прения не давали оснований. Было отмечено, что доклад, являющийся схематическим изложением всей истории казачества, в сущности не ставит и не разрешает ни одного вопроса. Поэтому и прения носят такой бессодержательный характер. Но это нисколько не значит, что в действительности в казачьем вопросе все обстоит так же гладко и плоско, как оно приглажено в докладе. И докладчик и некоторые из выступавших стараются показать вид, что они не придают особого значения самостийным течениям в среде казачества. Но в то же время совершенно ясно, что в казачьем вопросе больше всего интересует их и волнует именно самостийничество. Здесь пытаются утверждать, что самостийничества среди казачества до эмиграции не было, что только „нездоровая атмосфера эмигрантщины" „породила это нездоровое явление". Никого эта страусова политика не может ввести обман и никому от нее не будет пользы. Возьмите все русские газеты всего Юга, — Кубани, Дона, Украины, — за период 1917—20 г. г., и вы увидите, что все их страницы посвящены борьбе с самостийничеством даже в большей степени, чем с „красной опасностью". Не в эмиграции зародилось среди казачества „зловредное" самостийничество, а на родине в 1917—20 г. г., да и не зародилось, а возродилиось самостийничество того казачества, которое боролось за него во времена Булавина, Алексея Михайловча, Бориса Годунова и Ивана Грозного. Вы боретесь с казачьей самостийностью с с конца XVI века, около 400 лет, а пытаетесь утверждать, что она зародилась в эмиграции, и делаете вид, что это вас совсем не трогает.

Но, вы правы в том смысле, что с 1917 и до половины 1919 г. г. мы были действительно не самостийниками, а федералистами. Тогда мы верили, что русская демократия, которая для нас в наибольшей степени представляет собою русский народ в целом, искренне стремится к превращению Российского государства в федеративную республику, в „свободный союз свободных народов и земель". Эта формула, единогласно принятая Кубанской Краевой Радой, была предложена нами, самостийниками. Эта формула предлагалась нами и принималась Радой уже после того, как мы имели симптоматическое предостережение со стороны того, кто воплощал тогда русскую демократию и возглавлял ее правительство. Без каких бы то ни было разумных оснований Керенский отрешал выборного Донского Атамана „от занимаемой должности", будто назначенного им губернатора или воеводу, и „требовал немедленно выехать в Москву для дачи об'яснений". Казачество в лице Донского Круга с достоинством отшвырнуло это скверное покушение с негодными средствами, но вытекавших отсюда выводов еще не сделало.

Эта формула подтверждалась и непосредственно после большевицкого пореворота, и после освобождения от советской власти. И за эту формулу, за то, что мы не только разговаривали о ней, но и практически проводили ее в жизнь, за то, что по совершенно резонным основаниям мы не могли рассматривать Деникина носителем общероссийской государственной власти, последний окрестил нас „позорной" кличкой самостийников. Что сделала русская общественность? Вся она, начиная от самых правых и кончая самыми левыми, все партии и организации на своих собраниях и докладах, все газеты на своих страницах шельмовали нас „самостийниками". Не мало статей против самостийников напечатал, вероятно, и сам докладчик, живя в 18—19 г. г. в Екатеринодаре. А с каким захлебывающимся удовлетворением русская печать смаковала казнь Алексея Кулабухова?!

И в 19 году мы стали подлинными самостийниками, ибо дела русской демократии, а тем более правых кругов русской общественности в ходе практической и реальной политики наглядно и убедительно показали нам, что слова ее о федерации — только слова, лживые слова.

Я с большим интересом шел на этот доклад, думая, что услышу серьезный и глубокий анализ истории казачества, его взаимоотношений с Россией, особенно в пореволюционный период. Мне казалось, что доклад профессора серьезно и искренне учтет все вольные и невольные ошибки с той и другой стороны, сделает из них логически вытекающие выводы и предложит ясное и конкретное решение казачьего вопроса с русской точки зрения. Ничего этого ни доклад, ни прениия не дают. Общие места, общие фразы, пустые засаленные слова. Ничего не учли, ничему не научились. Это еще и еще раз доказывает, что истинные намерения в отношении казачества не высказываются вслух из опасения оттолкнуть к самостийникам всех казаков. Это еще лишний раз доказывает, что, если казачество хочет жить, как казачество, если оно не хочет окончательно быть приглаженным под гребенку Броневского — Николая I, если оно не хочет раствориться или утонуть в русском море, оно должно построить свой корабль государственности.

В заключительном слове докладчик заявил: „Я — федералист и Воропинов говорил о федерации, а говорим мы все же на разных языках".

Такое заявление меня весьма удивило. Во-первых, потому, что в самом докладе проф. Мякотин только мимоходом, вскользь упомянул о федерации, и из этого случайного упоминания никак нельзя было сделать вывода, что он доказывает необходимость превращения России в федеративную республику. Во-вторых, он уже совсем не доказывал, что казачество должно занять в Российской федерации положение равноправных штатов. В-третьих, я твердо знаю, на опыте 17—20 г. г., что „федерализм" Керенских, Мякотиных, Милюковых, Деникиных сделал нас самостийниками. На разных языках мы говорили еще тогда, когда мы были федералистами.

Не пытался докладчик доказывать права казачества на положение штатов и в заключительном слове. Он говорил только о том, что насильственными мерами, как это делают большевики, не следует рассказачивать казачество. Но, он горячо доказывал нецелесообразность отрыва от России. При известных обстоятельствах он допускает, что казачеству и удастся отделиться от России. Но заключил: „Кровью зальются поля, а русский народ не примирится с этим." Спасибо за такую откровенность, братья по крови, религии и языку. Но это значит, что

„Шкуру вы любите на братові,
А не душу".

Не запугаете. Бог не без милости, казак не без счастья. Да и плох тот казак, что не думает быть атаманом. Так говорит наша народная мудрость. Поля Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы не залиты кровью, а иногда заливали. Не зальете и наши. Слишком много пришлось бы заливать чужих полей. Австрия может быть очень хотела бы залить кровью поля Чехии, Словакии, Боснии, Герцоговины, но — сама захлестнулась в ней.

Ф. Воропинов.

Казачья эмиграция.

Касса взаимопомощи сотрудников журнала „В. К."

Ввиду того, что некоторые из сотрудников „В. К." отказались от гонорара, согласившись работать в журнале бесплатно, редакция „В. К." решила, при организации „кассы взаимопомощи сотрудников В. К.", не уменьшать гонорара сотрудников 5% отчислениями, а составлять капитал кассы путем 10% надбавки к гонорару.

Сотрудникам, отказавшимся от гонорара сердечное спасибо.

В Марселе.

18 января 1931 г. состоялся общий сбор Марсельской общеказачьей станицы, на котором были произведены перевыборы станичной администрации. Вновь избранными оказались: станичным атаманом — под'есаул С. И. Шепель; помощниками ст. атамана: сотник Ветров и подхор. Гетьман; писарем — вольноопределяющийся П. Нос и казначеем — под'есаул Чуйко.

В Клевелянде (Сев. Америка).

10 января 1931 г. состоялся годичный сбор станицы Клевеляндской, на котором произведены перевыборы администрации. Станичным атаманом избран А. Аникушин, его помощником — Степура.

Казачья елка в Белграде.

Кружок дам Казачек при Кубанской станице в Белграде, вот уже около двух лет ведущий свою тихую, но плодотворную деятельность, ознаменовал миновавший праздник Рождества Христова устройством елки для казачьих детей. Для елки, благодаря энергии членов Кружка и отзывчивому отношению сербского общества, удалось получить просторное помещение одной из белградских народных школ.

Открытию самой елки предшествовала постановка пьесы молодого писателя Б. Кундрюцкова „Рождество в Родном Краю". Несложная и простая, рассчитанная на понимание детей младшего возраста пьеса очень удачно воспроизвела казачье житье-бытье под оккупаторской красной властью. Артисты-любители успешно справились со своими ролями, а сам Кундрюцков дал тоже хорошую игру. А прекрасное исполнение казачьих песен бандуристом А. П. Черным и казачьи танцы, лезгинка и казачек, исполненные 12-илетним кубанцем Виктором Бубликом, имели настолько шумный успех, что всю последнюю сцену пришлось повторить.

Не следует забывать, что при постановке пьесы пришлось встретиться с массой мелких чисто технических затруднений, преодолеть которые режисеру г. Чикамасову стоило не мало трудов. Чего стоило хотя бы достать грим и костюмы для артистов, принимая во внимание ограниченность средств Кружка.

После пьесы была зажжена елка, а детям розданы подарки, доставившие им не мало радости. Затем долго еще дети играли вокруг елки и только поздним вечером, после угощения, разошлись по домам, унося с собой самые лучшие воспоминания о казачьем празднике.

На елке присутствовало до 80 ч. детей в возрасте от одного года и до 12-и лет. Посетило ее немало взрослых и без детей, пришедших посмотреть на казачье веселье. Иные приходили с явным насмешливо критическим отношением — „ну какая там казачья пьеса", но уходили все побежденные красотой казачьей песни и удальством казачьей пляски.

О детях нечего и говорить — они были буквально в восторге от елки. У некоторых из них, побывавших за праздники на елках, устраиваемых русскими организациями, спрашивали: какая же елка им больше всего понравилась? Ответ был неизменно один и тот же — „наша"!..

Этот ответ лучше всего определяет собою весь смысл устройства елки. Наше, казачье — вот что особенно ценно во всех начинаниях Кружка. Уже не первое задуманное Кружком предприятие оканчивается блестящим успехом. Вспомним хотя бы устройство елки в прошлом году, или рассылку пасхальных куличей казачьим старикам... А ведь материальных средств у Кружка нет почти никаких. Все они заключаются в том, что дадут им сами казаки.

Принесем же искреннее, казачье „спасибо" Кружку за его плодотворную работу, пожелаем ему успеха во всех его начинаниях, а сами будем неизменно, по мере наших сил, поддерживать его, решаясь на какие угодно материальные жертвы, ибо виденного нами достаточно для уверенности, что наши скромные приношения будут использованы наилучшим способом.

(Соб. кор.)

† Полк. В. В. Короченцев.

Еще одна жертва казачья на чужбине, жертва не последняя.

Непосильна, не по сердцу бродяжническая жизнь казаку, а надо. Тяжкие условия существования заставляют передвигаться с одного места на другое, из одного города в другой. Хочется человеку найти что-то лучшее, или просто хочется забыться от невзгод и печалей, чтобы не так мучила тоска по родным углам, забирает он свой скарб и в путь-дороженьку.

Василий Викторович Короченцев тоже потянулся из Парижа в Лион за маленьким счастьем, но нашел там свою долю в госпитале. Он заболел гнойным плевритом, операцию ему или не успели сделать, или это стоило много денег и в госпитале он отдал Богу душу.

А душа у Василия Викторовича была нараспашку, он не любил одиночества, всегда и всюду искал казачью компанию, нигде и никогда он не возвышал себя перед рядовым казаком, и в казачьей среде он был всегда Василием Викторовичем, а не г. полковником.

Еще совсем недавно он приобрел в предместьи Парижа на свои добытые трудом лепты клочек земли и мечтал выстроить там домик, но мечты не сбылись.

Последней весной мы ездили с ним в его „имение" за ландышами и он с любовью рассказывал, как он обставит свой будущий домик и как его больная жена будет радоваться своему хозяйству.

Не сбылось...

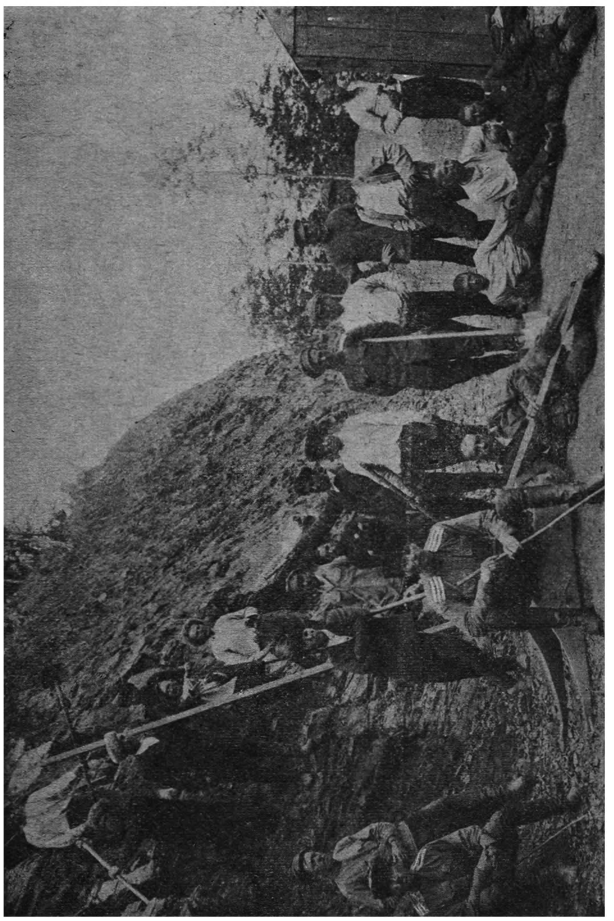
Полк. Короченцев любил Казачество. Он часто устраивал интимные об'единения казаков, на которых не было „политики", но за то вспоминали свою казачью жизнь и пели свои казачьи песни. Василий Викторович страстно любил песни, он был хорошим хормейстером и обладал тонкой музыкальностью. Если среди казаков находились солисты, то он садился за пианино и отлично аккомпанировал певцам. Любовь к музыке у В. В. была настолько яркой, что он одно время брал напрокат пианино, но не постоянная работа (раскрашивание куколок) заставила скоро расстаться с любимым инструментом.

Кончилась земная жизнь. Не увидел В. В. вновь Атаманского училища, куда его всегда тянуло. Осиротели в Париже бывшие юнкера-атаманцы, во главе которых стоял полк. Короченцев. Не ослепили его еще золотые главы Новочеркасского собора. Погиб, как многие, мечтая о родимых краях. На крышку дешевого гроба упали комья чужой земли. „Земля еси и в землю отыдеши".

Спи вечным сном на чужом погосте и пусть белый крестик долго напоминает, случайно заглянувшим туда казакам о том, что под ним покоится казачье тело...

Д. Воротынский.

Париж, 25-1-31 г.

(1)

(2)

1) 4 взвод 4 сотни 1-го Куб. полка на постройке шоссе Вранье—Босильград в 1924 г.

2) 1 взвод 4 сотни 1-го Куб. полка на постройке шоссе Вранье—Босильград в 1923 г.

(Обе фотографии присланы молодым донским казаком Виктором Галгановым из с. Долово).

В Казакии.

Что делают оккупанты?

Ниже мы печатаем некоторые выдержки из Ростовской газеты „Молот“ и Екатеринодарской „Красное Знамя“, по которым читатели могут составить себе некоторое представление о том, что делается там...

Появились уже и „черные доски“. В „М.“ от 27 января читаем:

Черная доска.

Краснодарский и Петровский районы остаются с прежними позорными показателями подготовки к сплошному севу. В Петровском районе за пять дней — с 20 по 25 января — вовлечено в колхозы всего 17 хозяйств, не собрано ни одного килограмма семян, хотя семфонды засыпаны лишь на 42, 6 проц. Собранные семена полностью еще не протравлены. В Краснодарском районе за это же время в колхозы вошло 23 хозяйства, район продолжает оставаться коллективизированным на 53,5 проц. Мобилизация семян улучшилась, за пятидневку собрано около 19 проц. потребности, однако семфонды засыпаны лишь на половину.

Курсавский район. Последняя пятидневка отмечает некоторый сдвиг в массовой работе по подготовке к сплошному колхозному севу. За пять дней в колхозы вступило 742 бедняцко-середняцких хозяйств. Процент коллективизации района поднялся с 36,4 до 41,4; собрано за этот же период семян в размере 8 проц. плана. Район должен усилить темпы подготовки, чтобы в ближайшие же дни снять себя с позорной черной доски.

Константиновский район. Местные организации не развернули действительной борьбы за завершение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, как класса. По сельсоветам Трофимовскому, Сусатскому, Н.-Калиновскому, К.-Белянскому, З.-Кагальницкому, Евсеевскому, Висловскому и Б.-Мечетковскому за последний месяц в колхозы не вовлечено ни одного хозяйства. Семфонды засыпаны лишь на 65 проц.

Тацинский район. Этот район самый отстающий в северной полосе края. Более $3^1/_2$ тыс. бедняцко-середняцких хозяйств остаются еще вне колхоза. Засыпка семфондов проходит безобразно. Район коллективизирован на 65 проц.

Старо-Щербиновский колхоз плетется в хвосте в подготовке к сплошному колхозному севу. В большинстве участков работы не развернуты. Корма находятся в степи. Ремонт не производится. Не собрано еще около 4 тыс. центнеров семян. Партприкрепленные не являются на участки. Правление колхоза в проведении кампаний придерживается оппортунистической очередности.

Только первый участок колхоза показывает образцы большевистской работы в подготовке к севу. Лошади — в прекрасном состоянии, корма достаточно. Инвентарь почти полностью отремонтирован. Руководящий состав — бригадиры и т. п. — подобран из активных бедняков и середняков.

Остальные участки должны немедленно подтянуться к первому участку.

Черепашьи темпы.

Подготовка к весеннему севу проходит явно неудовлетворительно. Темпы проведения отдельных мероприятий (сбор семфонда, его очистка, ремонт с.-х. инвентаря. обеспечение корма) не обеспечивают выполнения их в установленные сроки.

На 14 января по колхозному сектору собрано потребное для посева количество семенного материала только по ячменю (560 ц.), по овсу (60,2 ц.), по кукурузе (92,4 ц.), по подсолнуху (109,4), по остальным же культурам сбор обобществленного семенного фонда идет проступно медленно.

Катастрофически обстоит дело с семенами для засева промышленных огородов, площадь которых в нынешнем году расширяется до 600 га. До сих пор нет им одного центнера семенного материала. Кормами колхозный сектор полностью далеко не обеспечен. Так, требуется: ячменя 3.704 ц., имеется в наличии 514, овса — 2.238, имеется — 27; отрубей — 565 ц., имеется — 15.

Что же касается очистки посевного материала по колхозному сектору, то имеющийся посевной материал, за исключением ячменя, очищен.

Темпы ремонта сельско-хозяйственного инвентаря по колхозному сектору недостаточны. Из 74 подлежащих ремонту буккеров и плугов отремонтировано пока 46. Из 15 сеялок, подлежащих ремонту, отремонтировано пока 12. Тракторы, имеющиеся в колхозе, до сих пор не отремонтированы. Из 68 ходов, подлежащих ремонту, отремонтировано только 10.

При всей неудовлетворительной подготовке к севу по колхозному сектору, еще хуже обстоит дело по сектору единоличному. Организация семенного фонда по единоличному сектору отсутствует. Об очистке и говорить не приходится.

Что касается подготовки сельско-хозяйственного инвентаря по единоличному сектору, то здесь дело ограничилось только учетом подлежащего к ремонту инвентаря. Из 468 учтенных плугов ремонту подлежит 117; из 59 буккеров неисправных 14; из 240 борон ремонту подлежит 6; из 943 ходов ремонту подлежит 307.

(„К. З.“ 18 янв.).

В угоду кулаку.

Классовый враг в станице Васюринской не дремлет. Он распространяет насквозь лживые слухи о том, что якобы „всех единоличников, не вступивших в колхоз, скоро будут лишать земельного надела“ В 10-й стодворке, например, кулак дошел до того, что стал некоторых середняков уговаривать, чтобы они не кормили свой скот, а замаривали бы его голодом.

— Зачем вы только даром тратите фураж, — агитирует кулачество. Ведь все равно у вас отберут скотину. Вы лучше продайте корм, а скот заморите голодом. Это выгоднее для вас будет.

Отдельные середняки поддаются кулацкой агитации...

(„К. З.“).

Некому работать.

На хуторе Копанском — 4 учительницы. Все они загружены, что называется, до отказа общественной работой. Одна — завшколой, председатель комиссии по всеобучу, председатель культсекции, технический секретарь комсомола и партийной ячейки, руководительница политкшколы и т. д. Другая — женорганизатор, профорганизатор, руководитель драматического кружка и проч. Остальные две, помимо общественных нагрузок ведут работу в ликпунктах.

Все это чрезвычайно отражается на ликвидации неграмотности и малограмотности среди хлеборобов-колхозников.

Перегруженное учительство не может нормально вести занятия, а другие члены союза, — актив хутора, — от работы по ликбезу отказываются...

Срывают занятия в ликпунктах.

В ст. Андреевской легкая кавалерия сделала налет на ликпункты по стодворкам. В результате, оказалось, что ни в одной стодворке пункты ликвидации неграмотности не работают как следует, а в некоторых их совсем нет.

Так, например, в 1-й стодворке ликпункт до сего времени не работает. Помещение не подготовлено. Правда, в нем поставили печку, но топить ее нельзя.

Во всех стодворках, где ликпункты работают, на занятия являются 10—15 человек. Культармейцы не работают.

Больше того, отдельные уполномоченные, как, например, Нимченко, от первой стодворки, — вредят. Несмотря на распоряжение правления колхоза, Нимченко посылает неграмотных и малограмотных на работу во время занятий в ликпункте.

В 5-й стодворке ликпункт не имеет столов и скамеек.

Таким образом, в станице Андреевской большая и ответственная работа идет самотеком, без руководства со стороны партийной и других общественных организаций, без активного участия в ней местного станичного актива.

„Конец колебаниям“.

(С Царицынского с'езда).

Доклады закончены. Сплошная коллективизация, сплошной колхозный сев — вот тот стержень, вокруг которого сконцентрировалось все внимание делегатов краевого с'езда по завершению сплошной коллективизации.

Все ли? Может, есть еще среди делегатов сомневающиеся в правильности взятой линии? Может, есть колеблющиеся?

Колхозники? Нет, этот отряд уже проверен на практической работе истекшего года. Проверен и показал полную способность и готовность бороться за дальнейшее укрепление колхозов, за завершение сплошной коллективизации, бороться за генеральную линию партии. Особенно эта способность доказана автономной Адыгеей и рядом передовых районов, завершивших к с'езду сплошную и по боевому развернувших подготовку к весне.

В оживленных прениях по основным докладам, заслушанным на с'езде, выступали колхозники, еще и еще раз заявляя о необходимости быстрейшего завершения сплошной и ликвидации на основе ее кулачества, как класса.

Чем, как не горячей преданностью делу коллективизации можно об'яснить бурные аплодисменты, переходящие в овацию, которыми наградили делегаты с'езда колхозника-партизана Бартакова, заявившего с трибуны:

— К старому возврата нет. У нас один путь — колхоз. Он нас выведет из нужды и темноты. Те, кто хнычат, — это не наши люди, им в наших рядах нет места!

Ясно. Колхозник не сомневается. Он твердо уверен в победе. Он ее добудет.

Но молчал на с'езде единоличник. Среди делегатов, выступавших в прениях, было всего 2-3 единоличника. Можно ли рассценивать это молчание, как сомнения, колебания? Нет, ни в коем случае.

В зале заседаний, там, где ряд кресел упирается в стену, сидит делегат. Он сосредоточенно слушает очередного оратора-колхозника и изредка потирает жесткой, закорузлой ладонью изборожденный морщинами лоб. Пять минут назад он достал из кармана блок-нот, полученный на с'езде, карандаш и, медленно выводя буквы, что-то писал. Исписанный листок вырвал из блокнота, аккуратно сложил и, толкнув в спину впереди сидящего делегата, попросил:

— Передай дальше.

Записка совершила путешествие до переднего ряда кресел и оттуда — к столу президиума.

В конце заседания председатель читал фамилии делегатов-единоличников, подавших заявления о вступ-

лении к колхоз. С'езд встречал каждую фамилию аплодисментами.

Когда председатель в числе других фамилий назвал Руденко Алексея, делегат, сидящий у стены, радостно улыбнулся — это был сам он, Руденко, — новый колхозник.

А в записке было сказано:

— Выйти из нищеты можно только через колхоз. Поэтому я на нашем краевом с'езде добровольно вступаю в колхоз. Руденко Алексей из станицы Курсавской...

Из писем оттуда.

... Знов примушують входить в кольхози, але ми не здаємось, не дивлячись на те, що забрали ввесь хліб та переписали все до нитки... Тоді вони инший спосіб придумали: раз не хочете в кольхоз, то ми вас виселемо в Туапсе...

Одну партію вислали в Ставропольску губ. в землянки, а ставропольців в нашу станицю — в ті хати та двори, де жили козаки...

От Казачьего Колонизационного Комитета.

К. К. Комитет получил от Правления Славяно-Американского Треста следующую информацию:

Работа Делегации в Мексико Сити закончена и 29 декабря Делегация вернулась в Нью-Йорк. В начале работа Делегации встречала большие затруднения в связи с острой кампанией, направленной против городской эмиграции, увеличивающей безработицу и вооружающей против себя местное население. В дальнейшем, однако, планы Треста возбудили симпатию в самых широких кругах. Мексико остро нуждается в притоке сельской эмиграции и связанная с этим проблемма является одной из наиболее актуальных проблемм для Правительства. Делегации Треста во главе с ее Председателем, Ф. С. Мансветовым, пришлось проделать большую работу по ознакомлению Правительства и общественного мнения с задачами нашей колонизации, характером кадров колонистов и организационными заданиями Треста.

В результате этой работы Делегация получила самую теплую поддержку в Правительственных, административных, деловых и общественно-политических кругах Мексики буквально всех направлений. Газеты всех направлений запестрели сочуственными статьями. Центральный союз рабочих юнионов, наиболее настороженный в отношении эмиграции, заявил о полной поддержке дела, а основные положения меморандума Делегации Правительству, изложенные В. Терещенко в форме специальной брошюры на испанском языке, были даже приняты в качестве программы по иммиграционному вопросу. Полную поддержку оказал так же Центральный союз аграрных организаций, прорабатывающий в настоящее время мысль о широкой инструкторской работе славянских колонистов в области постановки сельско-хозяйственной кооперации.

Делегация вошла в контакт с рядом научных учреждений Мексики, как то Географический Институт, Институт Биологический, По борьбе с вредителями, Институт по обследованию и изучению Сел. Хозяйства, Ирригационный департамент и м. др. Со стороны всех этих учреждений получено заверение о полной поддержке нашего начинания и готовность оказать самую широкую техническую помощь в области организации и ведении хозяйства. Главные научные силы этих Институтов привлечены к сотрудничеству в „Колонист" для освещения специальных вопросов. В лице ряда выдающихся политических и общественных работников Делегация приобрела верных друзей нашего дела.
Со стороны Торговой Палаты и Мин. Торговли ответственными лицами высказана готовность поддержать всякие начинания колонистов путем мер торговой политики.

В результате интереса, проявленного к делу Президентом Республики и членами Правительства, работа Делегации завершилась получением от Министерства Земледелия (при котором имеется специальный колонизационный департ.) за подписью Министра бумаги, в которой утверждается ходатайство Делегации и приветствуется поселение славянских колонистов в „любой части Мексики на началах научного ведения хозяйства и применения кооперативных методов его организации". В связи с запрещением по конституции приобретать иностранцам земли у границ, разрешение селиться где угодно предполагает принятия колонистами подданства.

После получения этого разрешения делегация сочла свою миссию законченной, передав дальнейшую техническую работу по оформлению разрешения на в'езд в Мин. Иност. Дел и Внутр. Дел и Представителю Треста в Мексико Сити Б. П. Поповицкому. Дальнейшая работа Треста в Мексике имеет в виду организационные задачи, получение льгот в отношении налогов, проезд колонистов по желдорогам и пр.

Казаки! Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество--Вільне Козацтво".

Открыта подписка на 1931 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.